

АЛЕКСАНДРА КРИСТО

ПРИНЦЕССА
ДУШ

18+

Александра Кристо

Принцесса душ

Серия «Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69581713

*Принцесса душ:
ISBN 978-5-04-191774-6*

Аннотация

В течение шестнадцати лет Селестра была заперта в замке на Парящей горе. Девушка должна была занять место своей матери и стать правой рукой короля Шести Островов. На этих землях ведьмы крадут души людей, а также пророчат смерть участникам фестиваля предсказаний. На протяжении двух недель смертные должны пережить три испытания. Душу того, кто умрет, поглотит король и наделит себя бессмертием. Однако тем, кто останется в живых, даруют исполнение любого желания.

Нокс, солдат королевской армии, не намерен умирать от рук короля и ведьмы. Когда его отца убили, юноша задумал отомстить: он украдет бессмертие короля и уничтожит его двор, но начнет с Селестры.

Девушке хватило одного касания, чтобы увидеть их крепко переплетенные жизни. Нокс и Селестра вступают в опасный союз,

чтобы сбежать от бессмертного короля и вместе избежать судьбы,
которая страшнее самой смерти.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	65
Глава 8	74
Глава 9	97
Глава 10	109
Глава 11	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Александра Кристо

Принцесса душ

Alexandra Christo

PRINCESS OF SOULS

Copyright © 2022 by Alexandra Christo

All rights reserved.

© Рысс Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается маме и папе, которые всегда
привносили волшебство в мою жизнь*

Глава 1

Селестра

Я могу предсказать чужую смерть. Все, что мне требуется, это душа человека и прядь его волос. На всякий случай.

Пропитанная смертью работа королевских ведьм Сомниатис. Всю жизнь меня учили только этому: слуга королевства, наследница семейной магии.

Ведьма, навечно связанная с Шестью Островами.

Я никогда не видела остального мира, простирающегося за стенами замка на Парящей Горе.

Заключенной меня тоже не назовешь.

Я подопечная короля Сирита и однажды стану его самым доверенным советником. Правая рука знати, наделенная свободой любых действий и передвижений.

Но лишь после смерти моей матери.

Я шагаю по каменным залам, длинные перчатки цвета слоновой кости плотно облегают кисти и руки, касаясь плечиков мерцающего платья. Перчатки создают защитный барьер между моим разумом и видениями, но иногда они больше похожи на преграду, не позволяющую мне сойти с ума.

Они сдерживают магию до нужного момента.

«Я не узница», – мысленно произношу я.

Мне просто не следует прикасаться к окружающим.

За пределами Большого зала виднеется очередь из людей, которые совсем скоро станут бездыханными трупами. Большинство одеты в грязные лохмотья, которые липнут к телу подобно второй коже, но некоторые из присутствующих увешаны драгоценностями. Бедняки смешались со знатью и представителями среднего класса.

Все они отчаянно жаждут обмануть смерть.

Фестиваль Предсказаний проводится раз в год, в месяц Красной Луны. Любой житель Шести Островов может получить предсказание от королевской ведьмы.

Очередь тянется за угол, поэтому я не вижу ее конца, но прекрасно знаю количество людей. Каждый год одно и то же: двести душ, готовых к торгу.

Я стараюсь пройти мимо них так быстро, как могу, словно тень, скользкая за пределами их видения. Но они всегда замечают меня.

Как только внимание людей переключается на ведьму, они быстро отводят взгляд.

Они не выносят вида зеленых волос и змеиных глаз – того, что отличает меня от них. Люди впиваются взглядами в пол, будто нарочно заинтересовавшись каменной кладкой.

Будто я не что иное, как ведьма, которую нужно бояться.

Не знаю, чем вызвана подобная реакция. Моя магия еще не столь сильна. В свои шестнадцать я все еще жду того дня, когда унаследую всю семейную силу.

– Не могла бы ты остановиться хоть на секунду? – спра-

шивает Ирения.

Ученица портнихи – и моя единственная подруга в этом замке – часто дышит и спешит навстречу, когда я наконец останавливаюсь у Большого зала.

Она разглаживает мое платье, проследив за тем, чтобы не было видно складок. Ирения превращается в самую настоящую перфекционистку, когда дело доходит до ее платьев.

– Селестра, хватит извиваться, – ругается она.

– Я не двигаюсь, – отвечаю ей. – Просто *дышу*.

– Ну, тогда не дыши.

Я высовываю язык и начинаю возиться с перчатками. Тяну ткань вверх, а затем опускаю ее вниз, чтобы она терлась о кожу.

Меня это успокаивает.

Это не дает мне заикливаться на предстоящем событии.

На текущий момент мне пора бы уже привыкнуть. Я благодарна судьбе за то, что мне позволили находиться рядом с королем Сиритом в течение двух последних лет. Я отстригла волосы и наблюдала, как со всех Островов сюда устремляются люди, чтобы узнать свою судьбу.

Я должна испытывать восторг от Фестиваля и неистовое предвкушение от того количества душ, которое мы заберем на этот раз. Я должна наблюдать, как мать будет рассказывать о смерти, словно это ее давняя подруга.

Мне не стоит задумываться о тех, кому суждено умереть.

– Мы же не хотим, чтобы платье сползло во время твое-

го первого предсказания, – произносит Ирения. Она крепко затягивает шнуровку, и я чувствую, что девушка улыбается. – Представь, ты наклоняешься, чтобы взять прядь волос, и вдруг твоя грудь вываливается.

– Уж поверь, – я выдыхаю, – теперь я точно не смогу согнуться.

Ирения закатывает глаза.

– Ох, молчи, – говорит она. – Ты выглядишь как принцесса.

Мне хочется рассмеяться.

Когда я была маленькой – еще до того, как мать превратилась в чужого человека, – она читала мне сказки о принцессах. Сказки о скромных, бессильных запертых в башнях девах, ожидающих прекрасного принца-спасителя, который заберет их с собой навстречу любви и приключениям.

– Никакая я не принцесса, – возражаю Ирении.

Я нечто гораздо более смертоносное. Никто не спасает меня из башни.

Толкнув тяжелые железные двери Большого зала, замечаю, что он опустел.

Исчезли загромождавшие центр деревянные столы, которые были наполнены вином и звонким смехом. Музыкантов распустили, и комната оказалась лишена всяких звуков.

Невозможно даже догадаться, что всего несколько часов назад самые богатые люди королевства праздновали здесь начало Фестиваля. Из своей башни я слышала отголоски му-

зыки. Запах коньячных кексов и меда проникал сквозь щели окна.

Этот запах до сих пор витает в воздухе. Выпечка, пламя свечи, сгоревшие фитили и сладкий дым.

Я замечаю короля в дальнем конце комнаты. Он восседает на большом черном троне, вырезанном из костей. Щедрый подарок от моей прапрабабушки.

Наши взгляды тут же встречаются, как будто он чувствует мое появление. Сирит манит меня к себе пальцем.

Я делаю вдох и шагаю к трону.

Подол платья развевается позади меня.

Ткань сверкает при свете свечи, словно усыпанное звездами ночное небо. Она синего цвета, такого же темного, как Бескрайнее море. Ворот платья обвивает шею и струится по бледной коже, точно вода. Причудливая шнуровка на спине скрыта длинной спадающей до пола накидкой.

Может, Ирения и сшила это платье, но его цвет принадлежит королю.

Надев его, я становлюсь королевским трофеем.

– Мой король, – произношу я, приблизившись.

– Селестра, – чуть ли не мурлычет он. – Как славно, что ты наконец-то к нам присоединилась.

Он откидывается на спинку трона.

Король Сирит не только правитель, но и воин. У него длинные, черные как смоль волосы, а в уши вставлены серьги из змеиных клыков. Лицо покрывают татуировки шипящих

змей, Сирит облачен в меховую накидку, которая обнажает крепкую мускулистую грудь.

Все это должно придать королю устрашающий вид, но мне всегда казалось, что его вечно молодое лицо было скорее красивым, нежели пугающим.

Настоящая опасность кроется в темных глазах короля. В их глубинах таится сама смерть.

– Ты выглядишь великолепно, – говорит он.

– Спасибо.

Я заправляю прядь темно-зеленых волос за ухо.

Мне никогда не разрешали их стричь, поэтому, как и у моей матери, они спадают ниже талии. Отличие лишь в том, что мои локоны завиваются на концах, а у матери – абсолютно прямые.

Вся ее сущность несет собой резкость и боль.

– Добрый вечер, мама, – произношу я и поворачиваюсь, чтобы поклониться.

Прекрасная Теола Сомниатис восседает на сверкающем троне, расположенном рядом с королем. Черное кружевное платье облегает ее тело.

Она выглядит резкой и зловещей.

Оружие, которое король держит при себе.

И, в отличие от меня, ей не нужны перчатки, чтобы держать себя в руках.

Мать поджимает губы.

– Ты чуть не опоздала.

Я хмурюсь.

– Несмотря на неудобные туфли, я шла так быстро, как только могла, – я приподнимаю подол платья, чтобы продемонстрировать скрытые под юбкой высокие каблуки.

На ногах уже появились мозоли.

Король ухмыляется.

– Теперь ты здесь, и мы можем начинать.

Он поднимает руку, обращаясь к стражникам у двери:

– Впустите первого.

Я судорожно втягиваю воздух.

Время пришло.

Интересно, что покажет нам смерть сегодня.

Глава 2

Селестра

Двери Большого зала открываются, и я вижу, как входит первая женщина. Она нерешительно приближается к трону: двое стражников шагают по обе стороны, пока женщина медленно шаркает в нашу сторону. На ней темно-красная юбка, подол которой испачкан грязными щиколотками.

Чем ближе она подходит, тем сильнее покалывает кожу на моем затылке.

В воздухе витает смерть.

Я практически чувствую ее вкус.

Этот запах въелся в кости бедняжки.

Женщина в юбке цвета запекшейся крови и увядших лепестков роз... Я откуда-то знаю, что она не протянет и недели.

Я это *чувствую*.

Затем моя мать схватит душу несчастной, и король Сирит поглотит ее, как он делает уже больше века. Так он подпитывает свое бессмертие.

– Ваши Величества, – произносит женщина, как только достигает ступеней, ведущих к тронам.

Она склоняется в реверансе так низко, что ее колени касаются пола, а лодыжки трясутся от напряжения.

Незнакомка глядит на мою мать, и я вижу, как в ее глазах мелькает паника, прежде чем она склоняет голову.

Они боятся нас. Они ненавидят нас.

И это правильно.

Я вскидываю подбородок, напоминая себе, что должна выглядеть довольной.

Это единственный раз в году, когда я окружена магией. Когда ощущаю ее гул, наполняющий замок, и сила моих предков струится в воздухе, словно сладкое вино.

Когда мне не нужно оставаться пленницей башни.

Я беру ножницы со стола и спускаюсь по лестнице.

– Этими ножницами я отрежу прядь твоих волос и обеспечу тебе место на Фестивале Предсказаний, – объясняю женщине. – В месяц Красной Луны ты окажешься в списке смерти. В первую неделю она придет за тобой единожды, а затем дважды – во вторую. Предсказание, которое ты получишь сегодня, станет единственным ключом к спасению.

Слова даются мне с легкостью, я произношу эти строки с четырнадцати лет.

– Если ты умрешь, твоя душа перейдет к королю. Но если доживешь до первой половины этого месяца, то любое твое желание будет исполнено, а сделка утратит силу.

Женщина энергично кивает.

Исполнение заветных желаний превращает Фестиваль в настоящий праздник. Я слышала, что горожане даже делают ставки на того, кто выигрывает, устраивают гуляния и выпива-

ют до самого утра.

Люди идут на сделку только ради исполнения желания.

Для бедных и отчаявшихся это шанс попросить золото или лечебные эликсиры. Для богатых и высокомерных – проклясть своих врагов и сколотить состояние.

И каждый из них считает, что ради такого стоит рисковать собственными душами.

«*Всего лишь три смерти*, – наверное, говорят они сами себе. – *Я смогу это пережить*». И некоторым действительно удается. Каждый год лишь у небольшой горстки людей получается продолжить жизнь и исполнить желание. Это вдохновляет окружающих, которые впоследствии тоже захотят поучаствовать.

И ежегодно примерно сотня человек не доживает до конца.

Забавно, что их помнят гораздо хуже.

– Если во вторую половину месяца ты решишь продолжить, то будь осторожна, – зловеще произношу я. – Вместо смерти сам король получит право охотиться на тебя до конца месяца. Ибо если ты выживешь после Красной Луны, его бессмертие станет твоим.

Затылком я чувствую улыбку Сирита.

Он не боится.

Он не беспокоится, что может когда-нибудь уступить свой трон кому-то из простолюдинов.

– Эта сделка или убьет тебя, или же принесет небывалую

славу, – говорю я.

Ничто не изменится. Так было всегда.

У смерти есть интересная привычка: как и наш король, она добивается своего. Я наблюдала это воочию.

Кроме того, никто из выживших даже не пытается пройти вторую половину пути. Кровожадная охота – это одно, но когда в ней участвует сам король? Еще до того, как Сирит собрал самую смертоносную армию из когда-либо живших, он был самым искусным воином на всех Шести Островах. Веками Сирит выживал, благословленный коварной магией.

Было бы безумием даже пытаться убить его.

Лучше просто принять свое желание и бежать домой в безопасное место.

– Вы принимаете эту сделку? – спрашиваю я.

Женщина громко сглатывает.

– Да, – отвечает она дрожащим голосом. – Пожалуйста, просто отрежьте.

Руками – такими же трясущимися, как и ее голос, – она указывает на свои волосы.

Я беру ножницы и отрезаю прядь. Женщина втягивает воздух, ее взгляд проясняется.

Интересно, она что-то чувствует? Часть ее души перешла к нам, это удержит ее в нашем мире после смерти.

С помощью ритуала моя мать заберет ее.

После этого душа будет принадлежать королю.

– Готово, – произношу я.

Отворачиваясь, я кладу волосы в один из двухсот стеклянных кувшинов, стоящих вдоль ступеней, что ведут к тронам. – Подойди, – требует Теола. – И протяни руку.

Я слышу, как сбивается дыхание женщины, когда она поднимается по первым двум ступенькам и опускается на колени.

Теола, протягивая руку, изящно гладит ладонь женщины, потом закрывает глаза и улыбается хитро и зловеще.

Ведьмы Сомниатис подобны якорям. Мы втягиваем энергию и пропускаем ее через себя. Энергию, подобную смерти. Она течет по нашим венам и покалывает губы. Энергия, которая подпитывает наши видения, позволяет забирать души и питать ими короля.

Это проклятая магия, но это единственная сила, оставшаяся на Шести Островах.

Моя семья позаботилась об этом.

Теола закусывает губу, заглядывая в будущее женщины.

В глубине души мне отчаянно хочется увидеть то, что видит мать. Я хочу почувствовать силу, которая исходит от знания будущего, от раскрытия тайн судьбы и освобождения моей магии от оков.

От *прикосновения* к кому-то впервые за многие годы.

Но затем я вспоминаю Асдена, моего старого наставника. Я помню, что произошло, когда я последний раз прикасалась к человеку.

Я помню, как он кричал.

Эта мысль причиняет такую же боль, как и удар под дых. Я быстро выпрямляюсь, проглатывая воспоминания прежде, чем король замечает мою дрогнувшую улыбку.

Мать убирает руку и смотрит на склонившуюся женщину, чья ладонь отмечена новым клеймом в виде герба короля Сирита – черной змеей, пожирающей свой хвост.

Оно появляется на каждом, кто заключит сделку со смертью.

– На следующей неделе твоя младшая дочь скончается от болезни, – произносит Теола.

Ее твердый и холодный голос подобен льду, словно она говорит о погоде, а не о смерти.

Так было не всегда.

Однажды этот голос источал тепло.

– Она умрет, – говорит Теола. – А через несколько дней, когда ты пойдешь собирать ее любимые цветы, на тебя нападет лесное чудовище. Оно бросит твое тело гнить среди деревьев.

Женщина задыхается. Даже ее руки перестают трястись: ужас сковал все тело.

– Нет, моя дочь не может умереть. – Бедняжка качает головой, не заботясь ни о своей жизни, ни о смерти, которую моя мать предвидела для нее. – Должен быть какой-то способ. Если я доживу до середины месяца, то смогу пожелать исцеляющий эликсир и...

– Твоя дочь не продержится так долго.

Стиснув зубы, Теола сжимает кулак, а затем разжимает его. На ее ладони появляется золотая монета.

Она бросает ее в ладонь рыдающей женщины.

– Это хоть немного утешит тебя, – произносит мать. – Будь рядом со своей дочерью, пока это в твоих силах. Если выживешь, возможно, мы еще увидимся. Если умрешь, помни, что ты задолжала нам.

Женщина моргает и открывает рот, как будто хочет кричать, плакать или бороться за свое будущее. Но раздается лишь стон, прежде чем ее глаза находят меня.

Я вижу в них обвинение, когда стражники поднимают ее и вытаскивают из зала. Укор, что мне должно быть стыдно за мою чудовищную семью и зло, которому мы позволяем просочиться в мир.

Но она не знает.

Ей не понять, что значит быть ведьмой Сомниатис, связанной с королем древней кровной клятвой. Если бы перед этой женщиной поставили тот же выбор, что и передо мной, не сомневаюсь, что она поступила бы так же. Она не ведает, что может случиться, если я попытаюсь нарушить правила.

Тем не менее, как только незнакомка скрывается из виду, я тут же поворачиваюсь к матери, не в силах сдержаться:

– Думаешь, она будет избегать леса и не станет собирать цветы для дочери? – Это глупый вопрос, и в тот момент, когда я произношу его вслух, мне хочется взять слова обратно.

– Какое это имеет значение? – Голос Теолы пронизан

недовольством. – Пока мы получаем необходимое количество душ, нас не должно беспокоить, кому они принадлежат.

Я знаю, что она права.

Важно, чтобы к концу месяца у нас было хотя бы сто душ. Этого достаточно, чтобы король мог сохранить бессмертие и продолжить свое правление.

– Ты не согласна, Селестра? – спрашивает мать, когда я замолкаю.

Она предупреждающе смотрит на меня, вынуждая кивнуть.

– Конечно, нет, – отвечаю я.

Искусная ложь.

– Мои ведьмы не задаются такими вопросами.

Король пристально смотрит на меня.

Его глаза чернее самой темной ночи.

– Тебе следует это усвоить, Селестра, – говорит он. – Если тебе когда-нибудь удастся стать одной из них, а не остаться простой наследницей.

Я склоняю голову и стискиваю челюсти.

Он называет меня наследницей, как будто это оскорбление. Так и есть, пока я не стану полноценной ведьмой Сомниатис.

Наследники магии бесполезны, пока им не исполнится восемнадцать лет и они не будут связаны с королем клятвой крови, готовые обучиться истинной магии после смерти старой ведьмы. До тех пор я никому не интересна.

Иногда я чувствую себя сорняком, который вырос в чужом саду и никак не может слиться с остальными растениями.

Остаток вечера проходит так же.

Стража водит людей туда и обратно, несчастные стоят на коленях, пока Теола рассказывает об их грядущей судьбе чуть ли не со скукой. Предательство со стороны верных друзей, утопление в местной реке или ранение в переулке возле таверны, которую они посещают каждый вечер.

Испуг сочится из глаз людей, когда они узнают о собственной смерти. Они ведут себя так, словно на них наложили проклятие, а не выполнили их просьбу.

На протяжении всего вечера я молчу, нарушая тишину, только когда необходимо рассказать о правилах Фестиваля. Десятки раз я отрезаю пряди, спускаюсь по лестнице и наблюдаю, как король жадно смотрит на каждого, кто вступает с ним в сделку.

Каждую новую душу он поглотит с помощью магии моей семьи.

Лишь немногие из них доживут до середины пути и исполнят свое желание.

Никто не сможет пережить второй этап испытания, даже если будет достаточно безрассуден, чтобы попытаться.

Глава 3

Нокс

Я хорош во многих вещах, но лучше всего у меня получается выживать. Это дается мне с необычайной легкостью и сопровождается едва заметными шрамами. Конечно же, я умею драться, но это еще не все.

Величайшим навыком, которому научил меня отец, было то, как расположить к себе людей. Как проникнуть в чей-то разум и убедить, что я достоин доверия.

Что во мне есть что-то особенное.

У всего есть предел, но точно не у обаяния. И теперь я нуждаюсь в нем больше, чем когда-либо.

Мы приближаемся к Парящей Горе, чтобы взобраться на вершину.

– В списке твоих самых глупых идей эта определенно занимает первое место, – говорит Мика.

Я смотрю на своего лучшего друга и товарища, солдата Последней Армии, с ухмылкой. Он поправляет меч и следит за толпой людей позади нас.

Мика всегда подозрительно относится ко всем, кроме меня.

– Ты составляешь список всех моих плохих идей?

Мы ступаем на заколдованную платформу – тонкий лист

искусно обработанного золота, закрепленный возле невероятно высокого дерева.

Это самый быстрый путь на Гору. Туда, где находится королевский замок.

Мика кивает.

– Чертовски длинный список.

Я пожимаю плечами. Он прав.

– Она точно не первая, – отвечаю я. – А как же тот случай во время вступительных испытаний, когда мы решили проникнуть в каюту сержанта и украсть его...

– Ладно, ладно, – быстро произносит Мика, явно не желая, чтобы я повторял эту историю вслух. – Это вторая глупейшая идея, которая когда-либо посещала твою голову.

Он не ошибается. Не стоит отказываться от предоставленной возможности из-за потенциальных опасностей. Иногда самые рискованные идеи приносят наибольшую пользу.

– Знаешь, еще не поздно передумать, – предлагает Мика.

Заколдованная платформа начинает подниматься все быстрее и быстрее, унося нас в небесную высь. Я гляжу вниз, на людей, которые кажутся такими крошечными и едва заметными.

На острове Вистилиада король построил свою империю.

Отсюда он выглядит умиротворенным, почти красивым, в чем может соперничать с южным островом Полемистес.

Но это ложь.

Я до сих пор слышу, как волны Бескрайнего моря разбива-

ются о лодки и землю, словно захватчик, пытающийся прорваться внутрь. Черные воды бурлят, отказываясь замерзнуть даже в разгар зимы, когда улицы городов покрывает пелена снега. Люди топят лед и пьют талую воду. Даже в летние дни – как сегодня, когда палит солнце, – черная вода бурлит проклятой магией, которую влил в нее король.

– Если ты боишься, можешь не идти, – говорю я Мике.

Платформа достигает вершины, и я быстро схожу, проносясь мимо стражников на входе.

Территория замка прекрасна: она окружена бесконечной зеленью и живыми изгородями со сладкими фруктами. Даже скалы сверкают серебром. Люди говорят, что они вырезаны из падающих звезд.

Вся эта красота вынуждена сдерживать настоящих монстров.

Мика спешит следом, стараясь не отставать.

– Я не боюсь, – протестует он. – И я не оставлю тебя на растерзание волкам.

Я закатываю глаза.

– Сирит не волк. Он простой человек.

– А ведьмы? – возражает Мика приглушенным голосом. – Они не люди, и их не так легко убить, как тебя или меня. Магия защищает их даже от смерти. Ведьмы так же бессмертны, как и сам король.

– *Ведьма*, – поправляю я, понизив голос, пока мы идем по дорожке, окруженной стражей.

Это место представляет собой крепость.

Удивительно, но даже бессмертный король пытается защититься от возможных врагов.

– На самом деле есть только одна ведьма, – напоминаю я Мике. – Дочь Теолы еще долгие годы не раскроет свои истинные силы. С ней не будет никаких проблем.

Мика быстро переводит взгляд на стражников замка, дабы убедиться, что никто из них меня не слышит.

– Не мог бы ты говорить тише, когда рассуждаешь о заговоре, – шипит он. – Скрытность, Нокс. *Скрытность*.

Я качаю головой и останавливаюсь.

– Тебе действительно следует остаться снаружи.

Мика превращается в настоящую обузу, когда его нервы берут верх, а это последнее, что мне сейчас нужно.

Он выпрямляется, и его рука скользит к мечу.

– Я сказал, что не позволю тебе войти туда в одиночку, – упрямо отвечает он.

Мне правда приятно это слышать. Но такая жертвенность не обязательна.

Я возвращаю его руку в прежнее положение.

– Расслабься, солдат, – легко произношу я, дабы дать ему понять, что я не нервничаю. – Понежься на солнышке, поухаживай за симпатичной стражницей. Подожди меня здесь.

Мика закатывает глаза, когда пытается решить, слушать меня или нет.

– Если ты не вернешься через десять минут, я приду за

тобой, – говорит он.

Я ухмыляюсь.

– Если я не вернусь через десять минут, от меня уже ничего не останется.

Войти в королевский замок – все равно что попасть в тюрьму.

Стены высокие, черные и темные, как глаза короля. Высокие, как облака в небесах. Под потолком развеваются золотистые нити.

Мраморные полы так сильно напоминают Бескрайнее море, что я всякий раз ожидаю, что провалюсь в воду, а не наступлю на плитку.

Мои шаги звучат как часы.

Как стрелки отцовских карманных часов, которые были такими же громкими.

Тик-так.

Давай, Нокс! Быстрее!

Тик-так.

Так держать! Ты будешь лучшим в своем классе после вступительных испытаний, сынок!

Я не смотрел на эти часы много лет. Теперь они лежат в ящике, собирая пыль и паутину. Часы спрятаны за старыми бумагами и моим любимым ножом.

Мои шаги отзываются эхом их звона, но я больше не слышу воодушевляющего голоса отца. Я слышу только короля.

Тик-так. Тик-так.

Самое время умереть, не так ли, Нокс?

Я подхожу к кучке стражников у Большого зала, готовых пропустить последнего гостя.

Каждый год лишь двести человек могут заключить сделку и рискнуть своей душой. Я не знаю, почему именно такое количество. Может быть, Сирит и его ведьма заскучают, если к ним заявится куда больше желающих.

– Мне нужно поговорить с королем, – обращаюсь я к ближайшему к двери стражнику.

На нем такая же темно-синяя униформа, как и у меня. Она свободно свисает с тела, отчего парень кажется совсем юным и худощавым.

– Имя? – спрашивает он.

– Офицер Нокс Лайдерик, – отзываюсь я. – Полк Танато-са.

В тот момент, когда слова достигают ушей стражника, его губы приоткрываются.

Похоже, репутация следует за нами по пятам, но лишь частично по моей вине.

– Вы... вы...

– Вживую я выгляжу лучше, знаю. Могу ли я пройти?

– Король ожидает вас? – спрашивает страж, повышая голос.

– Конечно, я записался на встречу в его дневнике и под-
рисовал рядом сердечко, – серьезно отвечаю я.

Он не реагирует на шутку, а вместо этого возится с боль-
шим воротником рубашки.

– Я не должен... – стражник замолкает. – Нам остался еще
один участник Фестиваля. Не могли бы вы вернуться позже?

Я не могу не засмеяться.

Годы подготовки и целый день внутренней борьбы только
для того, чтобы меня развернули у самой двери.

Если бы Мика оказался рядом, он был бы в восторге от
происходящего. Но, возможно, это знак, что мне стоит уйти
и забыть о своей затее.

Но так не пойдет.

– Наверное, я и есть тот самый, – отвечаю ему.

Я прохожу мимо и, толкнув дверь, приоткрываю ее.

Никто не пытается остановить воина Последней Армии.

Особенно если он вооружен мечом.

– Пожелай мне удачи, – говорю я.

Страж моргает, разинув рот, когда я неторопливо ступаю
в Большой Зал.

Я не стал считать количество стражников. Меня обучали
тому, что всегда нужно быть начеку, но сегодня я могу со-
средоточиться лишь на одной цели.

Или трех.

Сирит – король Шести Островов, которому много лет слу-
жил мой отец. Кому служила вся моя семья на протяжении

нескольких поколений. Его губы расплываются в улыбке, он наблюдает за мной, восседая на украденном троне.

Его ведьма со змеиными глазами и длинными ногтями, что способны разорвать плоть.

И ее наследница.

Селестра Сомниатис.

Она притягивает мой взгляд.

Кожа девушки неестественно бледна и будто сияет изнутри, а волосы цвета клевера скользят по спине и достигают талии, отражая льющийся из окон свет, словно водная гладь.

Локоны такие длинные, что по ним можно взобраться на башню.

Ее большие желтые глаза смотрят на меня с интересом, а кроваво-красные губы расплываются в полуулыбке.

Селестра и вправду прекрасна.

Как жаль, что ей суждено умереть.

Глава 4

Селестра

Последний участник Фестиваля Предсказаний входит в Большой Зал, и я сразу же замечаю, что его не сопровождает стража.

Мужчина шагает в гордом одиночестве. Он не глядит в пол и не заламывает руки, ожидая момента, когда обменяет душу на магию или славу.

Незнакомец приближается, а мое сердце гулко грохочет в груди.

Я знаю, что он не отчаянный и безрассудный мальчишка. Он солдат. Воин армии короля Сирита.

Его походка уверенная и горделивая.

Молодой человек невероятно красив: светло-коричневая кожа и завивающиеся возле ушей иссиня-черные локоны, глаза цвета палых осенних листьев. На краткое мгновение наши взгляды встречаются.

Незнакомец приближается, на губах короля и Теолы играют улыбки, позы настороженные и любопытные.

Он одет в униформу Последней Армии, на плечи накинут длинный черный плащ с синей вышивкой. Под капюшоном виднеется переливающийся в свете растущей луны меч.

Его четкие и грациозные движения и смелый взгляд кое-

кого мне напоминают.

Последний человек, к которому я когда-либо прикасалась. В памяти всплывает Аспен и его наполненные печалью глаза.

Я молюсь, чтобы судьба этого юнца не была столь же трагичной.

– Мой король, – произносит он, когда достигает ступеней. Молодой человек кланяется и поворачивается к Теоле.

– Моя госпожа. Приятно вас видеть.

Он приближается к матери, берет ее руку и касается губами местечка ниже кольца. Улыбка на его губах кажется почти искренней.

Почти.

Я мастерски изображаю улыбки, поэтому могу определить фальшивку за милю. Но Теола с королем либо не замечают этого, либо им все равно. Они с обожанием следят за юным воином, будто он нечто особенное.

Давным-давно мать смотрела на меня так же. И хоть совсем скоро вся магия мира потечет по моим венам, Теола одаривает теплой улыбкой какого-то воина Последней Армии.

– Нокс. – Теола оглядывает воина, ее голос нежнее шелка. – Во имя всего святого, что ты здесь делаешь?

– Есть новости с Южного Острова? – спрашивает король, выпрямившись на троне. – Повстанцы капитулируют?

Юнец – Нокс – качает головой.

– Полемистес не пал, мой король, – сообщает он. – Решимость людей растет столь неуклонно, сколь и их численность.

– Какие же глупцы. – Король на мгновение замолкает, затем его резкий голос пронзает пустой зал. – Разве они не понимают, что должны принять меня своим правителем? Шесть Островов принадлежат *мне*.

Слова сочатся ядом.

Он медленно сжимает ладонью череп, прикрепленный к черному трону, и тот разлетается на десятки мелких осколков.

Всю свою сознательную жизнь я знала, что король Сирит пытался завоевать Южный Остров. И еще задолго до этого: со времен Правой Войны, когда Сирит впервые сверг королеву ведьм Тавмы. Полемистес – единственный из шести островов, который не сдался ему, даже после того, как он убил их короля.

Я знаю, что этот остров он желает заполучить куда сильнее, нежели остальные.

Полемистес – это земля, которую Сирит когда-то называл своим домом. Король гневается, потому что долгие годы местные повстанцы даже не думают сдаваться. Его желание победить со временем становилось лишь сильнее и разрушительнее.

– С какими же новостями прибыл мой маленький наследник? – Король выжидающе глядит на Нокса.

– Никаких новостей, – отвечает тот, непринужденно по-

жимая плечами. – Я явился за предсказанием.

Я распахиваю рот от изумления.

Ничего не могу с собой поделатъ.

Фестиваль предназначен для простых жителей. Для отчаявшихся или скупающих горожан, но уж точно не для членов Последней Армии, которые слишком заняты битвами на мечах.

Удивительно, но король не выглядит сердитым.

У Сирита определенно есть любимчики, и очевидно, что Нокс находится на вершине этого списка. Имя молодого мужчины звучит в голове как маленький колокольчик. Обрывок разговора, подслушанного в суде несколько месяцев назад. *Наследие. Отец Нокса тоже служил Сириту. Вся его семья. Клянусь, он лучший и умнейший королевский воин. Самый юный воин, когда-либо получивший собственный полк.*

Я отчаянно пытаюсь не закатывать глаза. Бьюсь об заклад, у Нокса на подкладке формы вшито больше благодарностей, чем у солдат вдвое старше него.

Какое рвение и упорство.

– Ты уверен, Нокс? – спрашивает король. Низкий голос разрезает комнату, когда он заинтригованно наклоняется вперед. – Отменить сделку невозможно. Вспомни, кто ты. И как ты мне дорог.

Нокс улыбается, и это заставляет меня задуматься.

– Я знаю, кто я, – отвечает он и преклоняет колено. – И я готов.

– Замечательно. – Король облизывает губы. – Тогда мы продолжим.

Он машет мне рукой, приказывая срезать прядь волос Нокса и решить его судьбу.

Я стискиваю ножницы.

Мне уже давно не приходилось находиться рядом с юношами моего возраста. Да и в принципе со сверстниками, не считая Ирени.

Когда я выросла, детям запретили посещать замок, потому что обычным людям нельзя доверять. Король боялся, что они воспользуются мной. Я должна была оставаться рядом с ним и матерью, в надежно защищенной башне.

Сирит утверждал, что наследница магии Сомниатис должна быть в безопасности. Любой ценой.

Даже сейчас мне не позволено разговаривать с людьми. Когда удается присутствовать на торжествах, – что происходит крайне редко, – меня всегда держат на расстоянии. Я вынуждена стоять подле трона в окружении стражи. Неприкасаемая.

Как ценный экспонат на выставке.

Когда все закончится, меня снова запрут в клетке.

Я могу смотреть и слушать чужие истории, но никогда не являюсь их частью.

Я делаю шаг по направлению к Ноксу.

– Счастливица, – произносит он, когда я приближаюсь. – Сотни девушек хотели бы носить мои волосы в медальончи-

ке рядом с сердцем.

Я вскидываю брови.

– Как жаль, что они лишились рассудка в столь юном возрасте.

Губы Нокса изгибаются в улыбке.

– Я свожу женщин с ума, это факт.

Не могу удержаться и закатываю глаза.

Только солдат Последней Армии может быть столь бесцеремонным, заключая сделку, ценой которой является его душа.

Охота за предсказанием – это игра и забава, которой делятся горожане, сидя в ярко освещенной факелами таверне. Как только они ступают в Большой Зал и отдают прядь волос и частичку души, смелость улетучивается.

Высокомерие покидает тело, а в воздухе повисает тяжелый аромат страха.

Нокс же не выглядит испуганным.

Нужно приложить больше усилий.

– Этими ножницами я срежу прядь твоих волос и обеспечу место на Фестивале Предсказаний, – произношу хорошо знакомые слова.

Теперь они даются так легко, что мне почти не приходится думать, прежде чем произнести их вслух. Они врезались в память, как собственное имя.

– Ты принимаешь эту сделку? – спрашиваю я, озвучив условия.

– Да. – Нокс даже не колеблется.

«Каков идиот», – думаю про себя.

Парень стоит достаточно близко, поэтому я просто приседаю и пропускаю сквозь пальцы прядь его волос. Ткань платья струится по полу, словно вода.

Я срезаю локон, и тело тут же отвечает дрожью.

Отшатываюсь назад и едва ли не падаю.

Поначалу покалывание было едва ощутимым, словно крошечные иголки впивались в руки и шею, а затем сердце пронзила острая боль.

Я крепко стискиваю срезанный локон и замираю.

До этого момента я ни разу не испытывала подобного, когда отрезала пряди незнакомцев. Казалось, что частица души Нокса пронеслась сквозь все мое нутро.

Почувствовал ли он то же самое?

– Выходит, я и вправду сбиваю девушек с толку, – произносит Нокс.

Я гляжу на него, широко распахнув глаза, но если он и испытал такое же потрясение, то его лицо не выражает ни единой эмоции.

Гоню прочь непрошенную тревогу и закрываю в последней пустой банке прядь волос юноши.

– Продолжай, – велит король, как только я закрываю крышку.

– Я позаботилась о волосах, – смущенно отвечаю я.

Сирит смеется. Его смех красивый и звучный, но за ним

всегда кроется что-то зловещее.

– Нет, Селестра, – мягко отвечает он. – Огласи солдату его предсказание.

Меня охватывает паника.

– Вы хотите, чтобы это сделала я? – Мой голос источает тревогу и удивление. – Почему?

– Считай это моим подарком, – продолжает король.

К несчастью, я знаю, что все дары Сирита пропитаны ядом.

– Это всего лишь несложное предсказание, – обещает он. – Твоя магия справится с этой задачей. Вдобавок, практика никогда не помешает.

Я нервно тереблю перчатки.

От мысли о том, чтобы снять их у кого-то на глазах впервые за многие годы, кожа начинает зудеть. Это заставляет меня думать о криках Асдена.

Я смотрю на свою мать.

– Ну же, – ободряюще произносит Теола. – Делай, как велит король, Селестра.

Сердце бешено колотится в груди.

Я облизываю губы.

Этот момент долгожданный и одновременно пугающий.

Шанс высвободить бурлящую внутри магию, которую мне запрещалось тревожить и самостоятельно изучать. Впервые за долгое время я смогу прикоснуться к коже другого человека.

Дабы показать матери, что я достойна силы нашего рода. Стягиваю перчатку, и она падает к ногам.

Я приседаю и тянусь к щеке Нокса. Ткань платья струится по мраморному полу.

Юноша вздрагивает, когда ладонь касается его теплой кожи. Кажется, все мое тело холодно как лед.

Магия – это огонь, которому я никогда не давала волю.

Сердце, подобно запертому в клетке зверю, неистово колотится в груди, когда наша кожа соприкасается. Все эти годы я ни к кому не притрагивалась.

Это похоже на пробудившийся голод, который был заключен в самой дальней части сознания.

Нахлынувшие чувства и ощущения вызывают тошноту. Голова идет кругом от того, что в моих ладонях находится живой человек, который чувствует все то же, что и я.

Нокс теплый, его кожа мягче, чем я думала. На лице юноши виднеется шрам, который тянется гладкой розовой линией от брови до подбородка. Когда я касаюсь рубца, наши с Ноксом взгляды встречаются.

Обычно люди вздрагивают, когда замечают мои глаза. Змеиные глаза, которые присущи всем женщинам рода Сомниатис.

Нокс почти не моргает.

Я тоже.

Не хочу все испортить и продолжаю наслаждаться кратким моментом.

Я знаю, что в ближайшее время у меня не будет иного шанса – может быть, долгие годы, – поэтому я хочу насытиться происходящим. Но миг блаженства краток.

Смерть приходит быстро.

Дыхание перехватывает в груди, и я начинаю задыхаться. Голова откидывается назад. Я осознаю, что моя магия еще не готова к подобному.

Кажется, словно тебя бьют по голове снова и снова, без передышки.

Я пытаюсь вырваться, отстраниться от Нокса, но тело оцепенело. Ладонь намертво припала к его щеке, а разум начали прожигать образы.

Всполохи темно-красного пола и стен с облезлой краской.

Я не могу разобрать увиденного, голова раскалывается от каждого нового образа.

Толпа окружила залитого лунным светом Нокса. Рядом с ним все ярче разгораются фонари, издавая зловещее шипение. Внезапно вспыхивает пламя.

Оно ползет по полу и стенам, превращая все в дым.

Я улавливаю запахи соли и пота. Перевожу взгляд на зияющую в потолке дыру. Через мгновение тот самый потолок обрушивается наземь.

Истекающий кровью Нокс лежит на полу, вокруг его тела танцуют языки пламени.

Протяжно и гулко воет ветер, и в моем сознании проносится такой болезненный образ, что я начинаю кричать.

*Скрытая в земле и окруженная разбитыми бутылками
дверная ручка.*

– Сюда, – шепчет голос.

*Чья-то рука тянется к окровавленному Ноксу, и я едва
ли не задыхаюсь, когда замечаю браслет на запястье.*

*Маленькая золотая вещица с расположенным в центре
драгоценным камнем. Будто зоркий глаз.*

Мне знаком этот браслет.

Я ношу его годами.

*Дыхание перехватывает. Я чувствую, как мои руки и кон-
чики волос ласкают языки пламени. Огонь просачивается в
браслет и проникает в кости.*

*Собрав последние силы, я отрываюсь от Нокса, вытягивая
себя из видения обратно в реальность.*

*Это происходит так внезапно, что я теряю равновесие и
падаю на землю, опрокидывая ряд банок, которые с грохотом
скатываются по лестнице.*

*По мраморному полу разлетаются волосы и осколки стек-
ла.*

*– Что такое? – спрашивает Теола, ее желто-зеленые глаза
широко распахнуты. – Что случилось?*

Этого не может быть.

*Я дрожу и хватаюсь за запястье, когда в голову просачи-
ваются воспоминания о безжалостном пламени.*

Воспоминания о горящей и обуглившейся плоти.

Этого просто не может быть.

– Селестра. – Голос матери становится громче.

Король вскидывает руку, призывая ее замолчать, и вся комната погружается в тишину. Даже расположившиеся возле дверей стражники затаили дыхание.

Сирит медленно спускается по ступеням прямым ко мне.

На его лице тот самый взгляд, который когда-то разрушал миры.

– Говори, – командует он.

Я поворачиваюсь к Ноксу, и его темно-карие глаза пронзают мое тело.

У него на руке виднеется змеиное клеймо. Опустив взгляд, я замечаю точно такую же метку и у себя.

Быстро сжимаю руку в кулак и тянусь за упавшей перчаткой, дабы никто не заметил.

– Ну что? – спрашивает Нокс.

Желваки на челюсти молодого мужчины напряглись от предвкушения.

Я сглатываю и отворачиваюсь.

Мне не под силу рассказать об увиденном. Я никогда не смогу произнести правду вслух.

Потому что я увидела не только смерть Нокса, но и свою собственную.

Глава 5

Нокс

Ведьма напугана, и это не сулит ничего хорошего.

– Погоди, ничего не говори, – произношу с насмешкой. –

Я умру?

Удивительно, но свернувшаяся калачиком на полу Селестра не смеется.

Она качает головой, недоверие искажает мягкие черты лица. Можно подумать, она никогда раньше не делала предсказаний.

Я лишь надеюсь, что видение будущего не так ужасно, как выражение ее лица.

Готов поспорить, что ей хочется всхлипнуть или закричать, но это невозможно, потому что она ведьма Сомниатис. А они, как известно, рождаются совершенно бессердечными.

Пустые оболочки людей.

– Разве ты не обязана поведать мне о будущем? – спрашиваю я. – На кону моя душа. Думаю, меньшее, что я должен получить, это предсказание.

– Я... Я не... – Селестра замолкает.

Ее глаза впиваются в мою руку.

Я гляжу на участок кожи, который теперь отмечен гербом

Сирита. Отныне я участник Фестиваля Предсказаний и всецело принадлежу королю.

Я сжимаю кулак так сильно, что костяшки белеют.

– Расскажи ему.

Король возвышается над Селестрой, которая все еще лежит на полу и пытается отдышаться.

– Не выставляй меня идиотом, Селестра, – предупреждает он.

Его голос холоден, и девушка вздрагивает. Селестра и король встречаются взглядами. Она поджимает губы, и на мгновение мне кажется, что она готова заплакать.

Удивительно, но через мгновение ее лицо больше не выглядит неуверенным.

Дрожь и заикание исчезают. Селестра вскидывает подбородок, и я замечаю, как она сглатывает нахлынувшие ранее чувства.

Девушка поднимается на ноги. Неуверенно, но все же решительно.

– Смерть придет за тобой через три дня, – произносит она. Ее голос срывается. – Произойдет драка. Я видела разъяренную толпу и бушующий пожар. Здание мне незнакомо, но в нем были красные полы. Это может быть одна из казарм Последней Армии.

Я жду, но Селестра больше не произносит ни слова. Я с недоумением вскидываю бровь и спрашиваю:

– И все? Обычная драка?

Слишком просто и легко.

Уверен, она не рассказала и половины.

Я замечаю, как Селестра стискивает челюсти, тщательно обдумывая ответ. Точно солдат, пытающийся разработать удачную стратегию боя.

– Так и есть, – подтверждает она.

– Почему ты сразу все не рассказала?

– Мне потребовалось время, чтобы разобраться в увиденном, – произносит Селестра в свою защиту. – Мой опыт в предсказаниях невелик.

Вынужден признать – она отличная лгунья. Селестра смягчает голос и касается волос цвета изумрудного леса, ее актерская игра почти убедительна.

Эдакое воплощение невинности и растерянности.

Однако ей не стоит тягаться со мной в искусстве притворства.

Служба в Последней Армии заключается в том, чтобы научиться распознавать вранье и разоблачать лживых пленников, несущих несусветицу ради спасения собственной шкуры.

Селестра Сомниатис не такая хитрая, как ей кажется.

К сожалению, я не могу обвинить наследницу магии Сомниатис во лжи. Это будет приравнено к измене и даже мне не сойдет с рук.

– Ты пачкаешь пол кровью, Селестра.

Теола медленно поднимается с трона.

Селестра изумленно глядит на свой локоть, который порезала при падении, как будто до сих пор не осознавала, что ранена.

Я тоже не заметил пореза. Моя рука дергается, когда я вижу кровь, смешанную с волосами и осколками разбитых банок. Меня одолевает нелепое желание осмотреть ее рану.

Но я игнорирую свой порыв.

Селестра не беспомощная маленькая девочка, которую нужно спасать.

Она *ведьма*.

Я отворачиваюсь и поправляю скрытый за спиной меч.

Меч моего отца.

– Возможно, нам стоит позволить ей истечь кровью, – вслух размышляет король. – Такое поверхностное видение должно повлечь за собой последствия.

Теола смотрит на окровавленную руку дочери.

– Да, но не стоит пачкать пол, – твердо отвечает она. – Я все исправлю.

Женщина закрывает глаза и делает долгий, глубокий вдох.

Я чувствую перемену в воздухе. Холод пробирает тело и кости, когда магия ведьмы струится по лестнице и мраморному полу.

Через мгновение рана на локте Селестры исчезает. Осколки стекла все еще усыпают пол, но юная наследница больше не истекает кровью.

Ведьмы Сомниатис подобны змеям.

Они сбрасывают чешую и исцеляются.

– Так это действительно обычная солдатская драка? – задумчиво произносит король Сирит, усаживаясь на трон. – Думаю, проблем возникнуть не должно, Нокс. – Его губы расплываются в улыбке. – В конце концов, ты сын своего отца. Гордый наследник в рядах моей армии.

Он внимательно наблюдает за мной. Сирит ждет моей реакции.

Ему хочется увидеть, как я вздрагиваю при упоминании отца. Очередная проверка, коим он подвергал меня бесчисленное количество раз за последние годы.

Король постоянно чего-то от меня ждет, но я не хочу отдавать что-либо взамен.

Мой голос непоколебим.

– Не волнуйтесь, – отвечаю я. – Отец бы точно гордился мной.

Сирит склоняет голову набок.

– Несомненно.

– Благодарю за предсказание, – продолжаю я. – Могу я получить монету?

Теола сжимает ладонь в кулак, а когда разжимает, в центре лежит блестящий золотой кругляшок. Ведьма медленно кладет монету в нагрудный карман моей униформы.

Она похлопывает расположенный над сердцем карман и произносит:

– До встречи, Нокс Лайдерик.

Вместо того чтобы вонзить меч в грудь короля, я быстро кланяюсь. Я прибегнул к вежливости, потому что острое лезвие не принесет бессмертному никакого вреда.

Я поворачиваюсь и направляюсь к выходу, но тут мой взгляд встречается с глазами Селестры.

За это короткое мимолетное мгновение я заметил в ее взгляде тщательно скрытые эмоции.

Однако решаю не обращать на это внимания.

Мне не нужно пытаться понять ведьму. В ближайший месяц я должен выжить, обмануть смерть и заполучить желаемое.

Я должен отнять у Сирита бессмертие и поставить весь ведьмовской род на колени.

Когда придет время, я убью каждого из них.

Начиная с наследницы.

Глава 6

Селестра

Той ночью мне приснился Нокс Лайдерик.

Я раз за разом наблюдаю за смертью Нокса: пламя и искры обволакивают тело мужчины. Моя рука тянется к нему, но натывается лишь на пепел и тьму.

Стоит мне закрыть глаза, я тут же вижу его, поэтому поспать мне не удастся.

Этот человек меня погубит.

Это такая же прописная истина, как и то, что небо голубое, воды моря черные, а наша сделка нерушима. Как только волосы срезаны, магия ведьмы оставляет отпечаток, и участнику остается лишь ждать, когда смерть примет его в свои объятия.

Таковы правила заклинания, созданного моей прапрабабушкой.

К тому времени, когда наступает утро, я не сплю уже несколько часов. Закрывать глаза было страшно, поэтому я не стала даже пытаться.

Опускаю кисть для рисования в воду и смотрю на свою руку так, словно метка, появившаяся на коже, может дать ответы на все вопросы.

Но она безмолвна и не в силах мне помочь.

Разозлившись, я провожу по холсту краской черного цвета.

Обычно живопись помогает облегчить разум. Без перчаток я чувствую себя свободной, невесомой, я могу рисовать часами – новые миры, новые лица – и позабыть, что мне когда-нибудь придется надевать их снова.

Но в этот раз облегчение не приходит.

Чертов солдат, пропади он пропадом в Реке Памяти.

– Выглядит... симпатично, – произносит Ирения, глядя на картину. Ее взгляд красноречиво подразумевает обратное.

Приходится засунуть руку в карман, чтобы девушка не заметила метку.

– Что это? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

Я пыталась воссоздать комнату из видения, нарисовать место, где через два дня мне суждено умереть. К сожалению, картинка по-прежнему размыта.

Красные полы и наполовину выкрашенные белые стены, но остальное туманно, поэтому в некоторых местах тлеют оранжевые угли. Они сыплются из огромной дыры в потолке, словно дождь из звезд, и растекаются по полу огненным озером.

В центре на столе лежит мой браслет и медленно плавится.

– Что за жирная черная полоса посередине? – спрашивает

Ирения.

– Самовыражение как терапия, – отвечаю я.

Подняв кисть, я провожу вторую полосу – на холсте появляется черный крест.

– Мы должны сжечь ее, – произносит Ирения. – Прежде чем кто-либо увидит.

Гляжу на плавающий браслет и вспоминаю ощущения, когда пламя разъедало кожу.

– Выброси ее, – соглашаюсь я, указывая на камин.

Мы всегда сжигаем мои картины.

Если король когда-нибудь их увидит, он навсегда заберет мои кисти.

Однажды, когда мне было одиннадцать лет, я нарисовала девочку, запертую в башне. Ее волосы были настолько длинными, что свисали из окна, когда она глядела вниз на цветы, которые ей никогда не удавалось сорвать.

Волосы девочки не были зелеными, а глаза – жуткими, но в ее улыбке таились все мои заветные желания. Я мечтала путешествовать по миру, прежде чем узнала о нем слишком много.

Мама увидела картину, когда я нанесла последний штрих. Она поднесла ее к свету и судорожно вдохнула, когда лучи солнца просочились в окно и озарили нетронутые цветы.

Теола поставила холст обратно на мольберт, ее глаза заблестели. Она снова стала ходить на мою маму. На женщину, которая заплетала мне волосы и пела колыбельные.

На женщину, которая рассказывала истории о нашей древней богине.

На краткий миг я почувствовала себя более значимой, нежели кровная клятва, данная нашим родом королю. Когда Теола коснулась моей щеки, ее ладонь не источала холод.

Это было похоже на материнское тепло, которое не исходило от нее уже долгие годы.

– Ох, Сестра, – прошептала мама.

Затем в комнату вошел король, и Теола убрала руку от моего лица. Она велела мне практиковаться усерднее и бросила холст в огонь до того, как Сирит успел его заметить.

С того самого дня я должна рисовать исключительно для короля. Сама мысль о том, что придется изображать лишь клубящиеся облака, усеянные бриллиантами, подобна пытке. Поэтому вместо меня картины пишет Ирения.

Она рисует то, что нравится королю, а я рисую то, что хочу. Когда Ирения закончит картину, мы преподнесем ее Сириту так, словно она нарисована мной.

А мой холст сожжем дотла.

Мне нравится такой расклад.

Я красочно изливаю свои переживания на полотно, а затем наблюдаю, как они тлеют в огне.

Как никогда прежде я изнываю от желания увидеть, как сгорает моя нынешняя картина.

– Готова? – спрашивает Ирения.

– Сожги ее, – шепчу я.

Подруга бросает холст в камин, и языки пламени взмывают ввысь.

Я гляжу, как пламя облизывает картину, пока она не обращается в пепел. Огонь встретился с огнем – моя смерть истлела на глазах.

Это немного успокаивает мое сердце. Не сильно, но хоть что-то.

Король часто говорил: если человек погибает вне сделки, его душа погружается в Реку Памяти и плывет в ее водах в бесконечном сне.

Люди становятся слабыми отголосками прошлого. Поэтому продажа души на Фестивале не кажется им чем-то плохим, ведь после смерти они все равно заснут вечным сном.

Я никогда в это не верила.

Я все еще помню истории матери о богине, от которой произошел наш род – Асклепине. Древние змеи наделили ее силами смерти и бессмертия, чтобы она могла видеть глазами погибели и исцелять свой народ.

В детстве мама нашептывала эти сказки, когда короля не было рядом. Она рассказывала, как Асклепина может переправить нас в настоящую загробную жизнь, где мы вечно будем жить рядом с ней. До того, как уничтожили старых ведьм, у каждой из них была богиня-покровительница, которая делала то же самое.

Мать давным-давно перестала говорить об этом, но я никогда не забывала ее слов. Истории все еще живы у меня в

памяти.

Если король поглотит мою душу, я не просто умру. Дело в том, что я никогда не встречу нашу богиню или любую из ведьм нашей родословной.

Я буду проклята.

– Идем, – зовет Ирения. Ее округлое лицо светится пониманием. – Если ты задумалась о терапии, то я знаю одно местечко.

На протяжении нескольких секунд я не могу дышать.

Воздух выбивает из легких, и я с ворчанием оседаю на пол. Кажется, я не могу дышать.

Я смотрю на свою тунуку цвета слоновой кости.

На груди красуется отпечаток ботинка Ирении.

Рукой, облаченной в перчатку, я стряхиваю грязь и поднимаюсь на ноги.

– Ты отвлеклась, – хмурится Ирения. – Мне еще ни разу не удавалось тебя одолеть.

Она права. За два года поединков ей так и не посчастливилось меня побороть.

Меня хорошо учили.

– Может, поэтому я и поддалась, – поддразниваю я. – Мне неловко оттого, что я так часто оставляю на тебе синяки.

Ирения отбрасывает короткие светлые волосы с глаз, что-

бы мне было отчетливо видно, как она их закатывает.

– Нам не обязательно бороться, – предлагает она. – Мы можем вернуться к рисованию или урокам кулинарии.

– Нет, – быстро отвечаю я.

Ирения фыркает.

– Не стоит быть такой пренебрежительной. Бить людей по лицу – это весело, но уметь испечь хороший пирог – еще лучше.

Я вскидываю бровь.

– Ты никогда не учила меня печь пироги.

– А ты так и не научила меня делать сальто назад, которое так любил Асден, – бросает в ответ девушка.

Я ощетиливаюсь при упоминании моего старого наставника.

Асден был солдатом Последней Армии и тренером дворцовой стражи. Кроме того, он оказался единственным человеком в замке – кроме Ирении, – который не обращался со мной как с ведьмой или пленницей, несмотря на то, что никогда не проронил при мне ни слова.

За исключением Ирении и горстки придворных, немногие имеют привилегию общаться с наследницей. Меня нельзя касаться, но Асден любил нарушать правила.

Впервые он нарушил их, когда поймал меня, одиннадцатилетнюю девчущку, крадущуюся в сады, – руки были полны шоколада, украденного с кухни, – и решил не говорить об этом королю. Асден лишь ухмыльнулся и вернулся к пат-

рулированию.

Следующей ночью он снова нарушил правила. Я ждала Асдена на том же месте и спросила, насколько он хорош в бою и смог бы он научить меня драться.

На протяжении трех лет Асден тренировал меня прямо под носом у короля, позволяя мне сбегать из башни.

Он ни разу со мной не заговорил.

Когда я дала команду, Асден кивнул. Я дернула его, но мужчина сбил меня с ног и вскинул брови, как будто я должна была это предвидеть.

При этом Асден не проронил ни слова.

Я пробовала всевозможные насмешки и оскорбления, чтобы заставить его сломаться, но мое невероятное остроумие на него не действовало. Асден оказался упрямым старым мерзавцем.

Однажды Ирения предложила стащить для него три кусочка ромового торта, если мужчина поздоровается, вместо того чтобы попросту помахать. Жест, который он продемонстрировал ей после сего действия, оказался куда менее приятным, нежели помахивание ладонью.

Тем не менее мы не нуждались в словах. Асден преподавал мне самый важный урок: как быть сильной и как научиться выживать.

Пока король не убил его.

Ирения, должно быть, заметила, как я напряглась, потому что ее глаза расширились.

– Ох, Селестра, – бормочет она. – Мне жаль, я...

– Все хорошо, – отвечаю, пожимая плечами. – Я в порядке.

Это самая крупная ложь, которую я когда-либо произносила вслух.

Я сжимаю облаченные в перчатки руки в кулаки и меняю стойку, готовясь выплеснуть весь свой гнев и разочарование.

Мое тело полностью прикрыто: перчатки заправлены под рукава, а воротник туники касается челюсти. Нет ни единого оголенного дюйма кожи, не считая лица. Все тело покрыто потом, но у меня нет иного выбора.

Я не могу рисковать Иренией.

Последнее, что мне сейчас нужно, это еще одно видение.

Ирения тоже подготовилась: на руках девушки перчатки, поэтому она может ударить меня, не беспокоясь о прикосновении к коже.

Мне приятно, что она пытается мне помочь.

– Я снова в строю, – провозглашаю я.

Ирения указывает на мечи в другом конце комнаты. Стена сверкает металлом всех форм и размеров: длинные мечи, палаши, рапиры. Каждое оружие отмечено гербом короля Сирита.

Та самая метка, которая спрятана под моими перчатками и получена благодаря Ноксу Лайдерику.

– Как насчет фехтования? – спрашивает Ирения.

Я качаю головой.

– Мне стоит попрактиковаться в защите без оружия.

«Или на тот случай, если я застряну в горящем здании вместе с Ноксом Лайдериком», – размышляю про себя.

Я вздыхаю, позволяя мыслям о Ноксе и нашей надвигающейся гибели вернуться ко мне с новой силой. Эта тренировка должна была отвлечь мое внимание.

Для той, кто постоянно имеет дело со смертью и душами, мне никогда не приходилось задумываться о собственной гибели. Во всех историях предков, рассказах о крови и магии ведьма ни разу не была отмечена сделкой.

Мы отличаемся от остальных. Моя семья создала эту магию, так как же я стала ее жертвой?

Нокс Лайдерик проклял меня.

Я сжимаю руки в кулаки.

Когда он заглянул мне в глаза, не моргая, а его шрам коснулся пальцев, я замерла. Я так отчаянно желала магии и прикосновений, что не могла ясно мыслить.

Я позволила себе отвлечься, и, возможно, из-за этого что-то пошло не так, увлекая меня за собой.

Но больше я не совершу подобной ошибки.

Отныне меня не застанут врасплох.

Ирения сжимает руки в кулаки и кивает мне, чтобы я сделала то же самое.

Я готова подчиниться. Мы ходим кругами, подначивая друг друга на следующий удар, словно это игра.

Ирения была права: такая терапия куда действеннее, чем

рисование.

Она замахивается первой, но я уворачиваюсь и наношу ей быстрый удар в живот.

Девушка издает стон, и я расплываюсь в улыбке, размышляя, как радовался бы Аспен моей технике ударов ногами.

На мгновение я позволяю высокомерию взять верх, и Ирения вскидывает локоть, как я ее учила. Мне не удастся вовремя увернуться.

Я отшатываюсь от боли.

Такое ощущение, что мой глаз вот-вот вывалится из глазницы.

Я изо всех сил стараюсь не обращать на это внимания, когда Ирения замахивается ногой, целясь мне в живот. Я слежу за ее движением, хватаю за лодыжку и сильно выворачиваю.

Тело Ирении, подобно клинку, дважды переворачивается в воздухе, прежде чем с глухим стуком приземлиться на пол.

Девушка моргает, глядя на меня.

– Если бы я сказала «ай, больно», мы могли бы вернуться к рисованию? – устало спрашивает она.

Я фыркаю и протягиваю ей руку, но Ирения сбивает меня с ног, и я приземляюсь на пол рядом с ней.

– Черт! – Из меня вырывается громкое ругательство, воздух выбивает из легких.

– Видишь, – произносит она, задыхаясь. – Ты рассеянная.

Я бы пнула ее под ребра, но не уверена, что у меня хватит сил сдвинуться с места.

Холодный пол дарит телу долгожданное облегчение.

– Как твой глаз? – спрашивает Ирения.

Я тянусь к нему рукой. Едва пальцы касаются кожи, боль пронзает мое лицо.

– Ты просто ужасна, – стону я, скривившись. – Мне потребуется больше часа, чтобы вылечиться.

Ирения пожимает плечами в качестве извинения.

– Извини?

К счастью, синяки и порезы заживают легко. Немного силы и магии, и от них остаются лишь воспоминания. Это почти не требует концентрации. Все, что мне нужно, это хороший сон, чтобы впоследствии восстановить силы.

Кости излечиваются далеко не так просто.

Я поняла это на собственном горьком опыте, когда вернулась с первой тренировки с Асденом со сломанным пальцем. На его восстановление потребовалась целая неделя.

Мне приходилось ежедневно надевать перчатки, скрывая синяк и притворяясь, что все в порядке, когда король просил меня налить ему вина. Ночью я собирала все свои силы, чтобы вернуть кость на место. После этого меня мучили сильные носовые кровотечения.

Полагаю, это был способ, которым магия пыталась сказать мне, чтобы я стала терпеливее и что она недостаточно сильна. К сожалению, я никогда не отличалась терпением. Чем больше я практиковалась, тем меньше становилась боль заживления.

Несмотря ни на что, оно того стоило.

Если Сирит или Теола увидят мои раны и узнают, что я тренировалась, – что меня учил один из их солдат и что я до сих пор тренируюсь с портнихой-подмастерьем, – их ярость разорвет на куски весь замок.

Я понимаю, что рискую собой и Иренией всякий раз, когда замышляю что-то за спиной у короля, но не могу ничего с собой поделаться. Знаю, это эгоистично и глупо, но замок так пуст и безлюден, что я не хочу испытывать здесь настоящее *одиночество*.

– Тебе действительно следует позавтракать до того, как примешься залечивать свой первый фингал, – советует Ирения.

Я качаю головой.

– Я не голодна.

– А я хочу есть, но набивать желудок в одиночестве как-то некрасиво.

Я смеюсь, но не могу даже думать. Я хочу лишь не думать о Ноксе.

– С каких пор ты стала об этом беспокоиться? – спрашиваю я. – Не сдерживайся. Можешь и мою порцию съесть, если захочешь.

Ирения фыркает, встает и тянет меня вверх.

– «Почему наследница голодала?» – спросят меня. Потому что я съела ее обед.

– Не сомневаюсь, моя мать не будет слишком расстро-

на, – отвечаю я. – Она лишь проведет больше времени в постели очередного солдата, чтобы произвести на свет нового наследника магии Сомниатис.

– Пресвятые души, Селестра. – На губах Ирении играет улыбка. – Тебе придется научиться сдерживать свой язык, когда ты станешь ведьмой.

– Когда, – задумчиво повторяю я.

Теперь это больше похоже на «если бы».

Что, если мы с Ноксом погибнем в огне? Что, если мне даже не придется быть с ним в одной комнате, когда это произойдет?

Какая бы проклятая ошибка ни наложила на мою руку печать короля, когда я заглянула в будущее Нокса, это непредсказуемо. Я не могу поверить, что, спрятавшись от Нокса в своей башне, я буду в безопасности.

Нравится мне это или нет, магия нас связала.

Если я ничего не сделаю, через два дня мы оба умрем.

Глаза Ирении сужаются.

– Тебя что-то беспокоит, – произносит она. – Я не смогу подбодрить тебя, если ты мне не расскажешь. А с моей слабой защитой выбить тоже не удастся.

– Ничего, – говорю я.

– Лгунья.

Ирения глядит как подруга, которая слишком хорошо меня знает. Моя единственная подруга.

Она много лет работала в замке подмастерьем у портни-

хи. Раньше, когда ее мать трудилась на кухне, Ирения всегда оставляла мне кусок торта, который Теола никогда не давала съесть на воскресном ужине. Мы делили его пополам и не спали всю ночь, только ели и смеялись.

Ирения рассказывала мне о другом конце острова, где она росла вместе с отцом-моряком, а я болтала о шпильке, которой взламывала замок в своей комнате и ночью ускользала в сады.

У меня никогда раньше не было друга или кого-то похожего возраста, с кем можно было бы поговорить. Вкусив такое удовольствие единожды, я сильно к нему привязалась.

После смерти Асдена Ирения сказала, что я должна продолжать тренировки, дабы почтить его память. Она предложила мне свою помощь в любое время дня и ночи.

Хотела бы я рассказать ей о том, что происходит... Хранить видение в тайне слишком тяжело, но я не могу рисковать. Король не должен узнать.

Он запирал меня в башне до тех пор, пока я не была готова стать настоящей ведьмой, и никогда не позволял посещать банкеты якобы для моей безопасности. Сирит пошел бы и на большее, но мне так хочется сохранить ту свободу, которую удалось обрести за его спиной.

Если я собираюсь пережить эту неделю – этот месяц, – мне нужно проверить все в одиночку.

В конце концов, я наследница магии Сомниатис.

Если кто-то и может обмануть смерть, так это я.

– Еще один раунд, – объявляю я Иренин. – После этого поедим.

Я подхожу к стене с мечами.

Лучи летнего солнца льются сквозь богато украшенные окна, металл переливается на свету. Каждое оружие искусно изготовлено: одно легкое, а другое тяжелое и плотное.

Но каждое из них в равной степени смертоносно.

Я поднимаю руку и поглаживаю «ушастый» кинжал ¹.

Это небольшой золотой клинок с длинной черной рукоятью, украшенной драгоценным камнем и королевским гербом. Но больше всего мне нравится, что рукоять раздваивается на вершине.

Большой палец идеально помещается в это пространство.

Бросив быстрый взгляд на отвлекшуюся Иренину, я снимаю с крючка кинжал и просовываю его под пояс туники.

Пытаясь отвлечь внимание, я хватаю со стены два меча с пламенным лезвием ² и поворачиваюсь лицом к подруге.

– Готовься, – предупреждаю ее. – Скоро я уложу тебя на лопатки.

Я бросаю меч через всю комнату, и Иренина подхватывает его прямо в воздухе.

– Давай, – подначивает она.

¹ «Ушастый» кинжал – достаточно редкая и необычная форма кинжала, которая использовалась в эпоху позднего Средневековья и Возрождения. Он назван так потому, что рукоятка кинжала имеет очень характерную форму, чем-то напоминающую человеческое ухо.

² Меч с волнообразным лезвием.

Я злобно ухмыляюсь.

Пусть король думает, что держит меня в безопасности, заперев в башне. Сирит считает, что я досконально изучила свою тюрьму и знаю, как в ней спастись.

В течение многих лет я выбиралась из башни на улицу – сидела возле водопада, скрывшись в тени травы, и дышала ночным воздухом. Я смотрела на небо и сравнивала луну с большим пальцем, поражаясь тому, какой маленькой она кажется с такого близкого расстояния.

Пришла пора двигаться дальше. Я чувствую, как кинжал вжимается в спину.

Если в этом месяце я хочу выжить, то мне придется убедиться, что Нокс Лайдерик тоже справится.

Через два дня я спасу ему жизнь.

Глава 7

Нокс

Не люблю приезжать в маленькие города по той причине, что меня тут не жалуют.

За пределами военных действий солдаты Последней Армии выступают в качестве грубой силы короля, поэтому нас не любят. В расчет не берут даже мой дружелюбный характер.

Я вытираю пот со лба.

Полуденное солнце висит высоко в небе, воздух полетному теплый. Легкий ветерок приносит с доков запах лаванды.

Вистилиада прекрасна, несмотря на все ужасы, происходящие внутри городских стен.

– Ты действительно не чувствуешь никаких изменений? – спрашивает Мика, пока мы шагаем по мощеным улицам.

Я чувствую его взгляд на ладони, где расположилась отметина в виде змеи. Он пялится на нее с тех пор, как мы покинули замок. Я прекрасно знаю, что хочет спросить друг: *каково это – продать душу человеку, которого ненавидишь?*

Я все еще в смятении.

Нет ощущения, что часть моей души отсутствует и хранится в стеклянной банке. Может быть, осознание придет позже.

Возможно, стоило отдать другую часть.

– Ты уверен насчет этого парня? – спрашивает Мика, когда мы подходим к магазину. – Даже улица выглядит подозрительной.

– Все в порядке, – отвечаю я. – Перестань так сильно переживать.

– Я серьезно.

– Ты всегда серьезен. Честно говоря, это досадный недостаток.

Мика стреляет в меня взглядом.

Возможно, он и являлся моим товарищем по хулиганствам, когда мы были детьми, но все изменилось. Отныне Мика не жалуется на мои рискованные идеи.

Очевидно, он не в восторге от того, что я продал душу ради мести.

– Все будет хорошо, – уверяю его. – Доверься мне.

– Думаю, будет безопаснее охотиться за магией на Южном Острове, нежели здесь, – говорит Мика.

Он еще раз оглядывается через плечо на пошарпанную улицу.

– Конечно, – я улыбаюсь и качаю головой. – А позже мы сможем поохотиться на сирен.

Морские дьяволы или рассказы о сотнях других королевств за пределами Шести Островов... Скрытая магия Полемистеса не более чем сказка, которую поведал мне отец. Невероятной силы меч, который может погубить даже бес-

смертного.

К сожалению, сказки не в силах мне помочь. Единственный способ свергнуть короля – пережить месяц и разорвать сделку.

Владелец этого магазинчика как раз тот, кто мне нужен.

Мы подходим к маленькой оранжевой двери, спрятанной в углу извилистой улицы, и я поднимаю руку, чтобы постучать.

Внутри раздается шарканье, затем что-то падает на пол, после чего следует ругательство. Мика фыркает от смеха.

Наконец мужчина открывает дверь с такой силой, что чуть не вырывает ручку.

– Я знал, что это ты, – произносит Лео Боран, заметив меня. – Нокс Лайдерик, любопытный мальчишка.

– Скорее мальчишка, который готов расстаться с деньгами.

Лео расплывается в искренней улыбке.

– Это мой любимый тип клиентов.

Он открывает дверь шире и жестом приглашает нас войти. Мужчина слегка прихрамывает.

Лео – странный человек с длинной рыжей бородой с проседью и такими же волосами, которые он почти всегда скрывает под кепкой.

«Если со мной что-нибудь случится, – сказал отец за неделю до смерти. – Найди Лео. Он живет в самом худшем магазине возле доков».

Три месяца назад я наконец-то выполнил его просьбу.

Это было сложнее, чем я думал. Лео менял имена на протяжении многих лет, дабы избежать репутации чудака-изобретателя. Несколько раз меня чуть не побили, потому что я спрашивал незнакомцев, является ли их магазинчик худшим в доках.

Видимо, это не лучший способ завязать разговор.

К счастью, я нашел чудака.

Он сможет помочь мне сбежать из Вистилиады, если план по убийству короля потерпит крах. Он сумеет повернуть все так, что Сирит и его ведьма не найдут зацепок.

Если что-то пойдет не по плану, мне понадобятся его изобретения.

– Пообещай, что он не собирается нас прикончить, – тихо бормочет Мика, когда мы заходим внутрь.

Друг разглядывает магазин Лео, как настоящее поле битвы. Полагаю, так и есть. Повсюду разбросаны куски металла и дерева, наполовину законченные проекты и заготовки, используемые для их создания.

– Я убью тебя только в том случае, если ты попытаешься содрать с меня налоги, – отвечает Лео. – Совсем недавно здесь побывала Последняя Армия. Ваш король любит ежемесячно повышать налоги. Я даже не могу пополнить свои запасы.

– Пополнить чем? – спрашивает Мика, оглядывая полупустую мастерскую.

Лео игнорирует его.

– У тебя есть деньги? Мы договорились о сотне золотых монет.

– Кстати, об этом... – начинаю я.

Я вижу, как Лео меняется в лице, осознавая мои намерения.

– Хочу пересмотреть условия. Пятьдесят золотых сейчас, а остальные, когда я завладею богатствами Шести Островов.

Последняя Армия может обеспечить прекрасную репутацию, но я не думаю, что Лео будет рад чему-то, кроме золота из замка Сирита.

Лео продолжает смотреть на меня.

Он никогда не был хорошим переговорщиком.

Мужчина кивком указывает на мою отметину.

– Хочу получить свое золото до того, как ты погибнешь.

– Я не собираюсь умирать.

Лео фыркает и идет к центру комнаты.

– Да-да, – он машет рукой. – Солдаты Последней Армии думают, что они непобедимы.

Лео скидывает пыльные гвозди со скамеек, расположенных возле маленького столика.

– Присаживайся, – говорит он.

Я повинуюсь и наблюдаю, как он вытирает руки о тряпку, пачкая ее масляной смазкой.

– Что, если ты не добьешься успеха и не завладеешь богатствами? – спрашивает Лео. – Что, если я никогда не по-

лучу свои деньги? Когда я беспокоюсь о том, что мне не заплатят, я плохо сплю по ночам.

Лео повезло, что он вообще может заснуть.

Это роскошь, которой у меня не было на протяжении долгих лет с того дня, как умер отец. Каждую ночь мне удается проспать лишь несколько часов, и то урывками.

– Я позабочусь о том, как обмануть костлявую, – отвечаю ему, откинувшись на спинку стула. Таким образом я демонстрирую свою уверенность.

Я не проиграю.

Отмщение свершится при любом раскладе.

– Просто приготовь для меня средство передвижения.

Как только Сирит поймет, что я жажду его бессмертия, а не какой-то волшебной награды, мне понадобится любая помощь, чтобы сбежать.

Король никогда и никому не позволит пережить месяц.

– Я продолжаю этот разговор из уважения к твоему отцу, – произносит Лео. – Но я не филантроп. Если тебе нужны деньги, то заработай их так же, как и местные идиоты. Сходи в таверну «После заката» и сделай ставку на собственную смерть.

Я выдыхаю.

Неплохая идея. Последняя Армия любит посещать таверну и играть на жизни горожан, дабы получить дополнительные деньги, эль или новейший меч.

– Вы упрямый переговорщик, не так ли? – усмехаюсь я.

– Научился у твоего отца, – парирует мужчина. – Он умер, не успев расплатиться со мной.

Я дергаюсь. Спина напрягается, и я выпрямляюсь, словно отец только что вошел в комнату.

Лео качает головой, а затем смотрит на меня и вздыхает.

– Он был упрямым, – произносит Лео. – Но прекрасным другом. Трагичная кончина. – Мужчина снова вздыхает и швыряет тряпку с такой силой, что та впечатывается в стол. – Непредвиденная.

Только одно из сказанного является правдой.

Смерть отца была трагичной, но не неожиданной.

Я очень хорошо запомнил нашу последнюю встречу. Мне было четырнадцать. Отец пришел домой с окровавленными руками и взглядом, которого я никогда прежде не видел.

– Нокс, – тихо и хрипло позвал он. – Я собираюсь тебе кое-что рассказать и хочу, чтобы ты запомнил каждую деталь.

Я кивнул и присел рядом с ним.

– Есть оружие, созданное из магии, – произнес отец. – Из последних вдохов ведьм Тавмы. Оно появилось более века назад в начале Правой Войны – до того, как Изольда Сомнатис и король забрали силы ведьм и бросили их умирать. До того, как они завоевали Шесть Островов.

– Но у тебя уже есть оружие, – ответил я, указывая на меч на бедре отца.

Он покачал головой.

– Это оружие может убить кого угодно, – продолжил

отец. – Вот почему Сирит так боится Южного Острова. Этот меч оберегал жителей долгие годы. Король не остановится, пока не заполучит его. Он пожертвует чем угодно и кем угодно, дабы получить желаемое.

Отец посмотрел на свои руки. Между костяшками запеклась кровь.

– Но это всего лишь история, – встревожился я. – Не так ли, папа?

Его лицо было лишено эмоций.

– Истории обладают огромной силой. Они ни в коем случае не должны быть забыты.

Я не нашелся, что ответить. Эмоции в глазах отца были невыносимы, поэтому я обнял его. Он напрягся и прижал меня к себе. В его движениях сквозило отчаяние.

На следующий день его не стало, а к моей двери подошел солдат и сообщил, что он мертв. Утонул во время утреннего купания.

Только мой отец не умел плавать. И не было никакой причины, по которой он пытался бы научиться этому самостоятельно в разгар зимы.

Я вспомнил его последние слова.

Король пожертвует чем угодно. Кем угодно.

После этого я переехал в солдатские казармы и тренировался день и ночь, сражаясь бок о бок с другими новобранцами Последней Армии. Я хотел быть идеальным бойцом.

Я тренировался, чтобы стать лучшим.

Я жил во имя наследия отца. Нужно было сдать вступительные испытания в Последнюю Армию и убедить короля, что я верный солдат. Это оказалось легко, потому что у меня была цель.

Надежда. *Потребность.*

Каждый день я думаю об отце. Превыше всего он ценил верность. Он проследил, чтобы последними его словами стала сказка об убийстве короля.

Тот факт, что он умер на следующий день, лишь убеждает меня в том, что это не было несчастным случаем. Отца убили, потому что он знал слишком много. Его убили за веру в правдивость той истории.

За окном слышится шум водопадов на Парящей Горе, этот звук подобен первым отголоскам грядущей битвы. Воды чувствуют, как во мне нарастает решимость, и хотят, чтобы она выплеснулась наружу.

И это обязательно произойдет.

Я переживу месяц и украду бессмертие короля. И как только сделаю это, смогу наконец избавить Шесть Островов от монстров раз и навсегда.

Я отомщу за отца не притчами и сказками, а кровью.

Глава 8

Селестра

Я опускаю капюшон на лицо, стараясь скрыться как можно лучше.

Окружающая территория представляет собой лабиринт живых изгородей и полевых цветов. Другой не смог бы сориентироваться здесь в темноте. К счастью, меня это не касается.

Годами я учила наизусть расписание патрулей, и мне проще простого взломать замок спальни и прокрасться наружу.

Я всегда знала, что мне суждено всю жизнь прожить в этом замке, что я буду привязана к королю, пока следующая ведьма не захватит власть. Но с тех пор, как я увидела Нокса, в моей груди что-то встрепенулось.

Когда погибель маячит на горизонте, привычные стены кажутся выше, а комнаты – меньше.

Мне тошно от одной мысли о смерти, ведь я никогда настоящему не жила.

Если костлявая нагрянет завтра, то я должна покинуть территорию замка и найти место, где мы с Ноксом будем убиты.

Ради спасения наших жизней я должна убедиться, что он никогда к нему не приблизится.

Если придется, я запру его в своей башне. После всего, через что мне пришлось пройти, я не позволю какому-то безрассудному солдату рисковать *моей* жизнью.

Замечаю платформу и проскальзываю за розовый куст, который возвышается над большинством деревьев.

Я смотрю, как стражник выпускает изо рта струйку дыма. Он откидывается назад и зевает.

Хотела бы я иметь возможность усыпить его или отшвырнуть с дороги одним движением руки. Но даже если бы и умела, то не стала бы рисковать.

Поэтому я жду.

Я мало что знаю о древних ведьмах и их великих силах. Возможно, они смогли бы отправить этого стражника в забываемый полет над деревьями. Единственное, что мне известно об острове ведьм Тавма, – рассказы матери о вихрях магии, которые освещали небо розовым и оранжевым цветом.

Это были земли ведьм, пока Изольда Сомниатис не объединилась с Сиритом, чтобы свергнуть их королеву и забрать жизни и магию всех ее подданных.

Моя семья – все, что осталось.

Стражник проверяет карманные часы, вздыхает и направляется к озеру, чтобы продолжить патрулирование.

Все по плану.

Я выскальзываю из-за розового куста и подхожу к платформе.

– Здравствуй, – приветствую я старого друга. – Давно не виделись.

Из-за канатов выглядывает бронзовая голова птицы Ламперес.

Она прекрасна как никогда: огромного размера, серый клюв поблескивает, а глаза светятся белым. Золотые крылья птицы трепещут, когда она поворачивается в мою сторону. Заостренные перья способны разрезать что угодно, кроме цепей.

Как же она красива.

Моя семья обрекла птицу на страшную участь.

Большинство людей считает, что платформа зачарована, и редко замечает спрятанное в стволе дерева существо, которое переправляет их вверх и вниз по горе.

Я достаю из кармана горсть ягод и цветков мяты. Ее любимое лакомство. Я приношу их птице всякий раз, когда ускользаю из комнаты.

Я не единственная, кому время от времени нужна небольшая передышка.

– У меня для тебя подарок, – произношу негромко.

Ламперес крадется вперед и нюхает ягоды на протянутой ладони. Затем она хватает их, словно голодала несколько дней.

Она такая же пленница, как и я. Птица заперта в этом месте, пока король не прикажет освободить ее. Даже если мне удастся ускользнуть из башни или с горы, покинуть остров

все равно не получится.

Я протягиваю руку, мои пальцы скользят по гладким перьям птичьей головы. Интересно, куда бы она улетела, если бы я смогла освободить ее. Если бы у меня была магия, способная разорвать цепи, наколдованные прапрабабушкой.

Может быть, став ведьмой, я получу ответ.

Я ступаю на платформу.

– В этот раз, – говорю я, – спусти меня на землю.

В ответ Ламперес оживленно взъерошивает перья.

Она ныряет вниз.

Я закусываю губу, когда платформа начинает опускаться, а небо проносится мимо размытыми пятнами.

Ветер хлещет в лицо, волнение перебарывает страх. Всего через несколько мгновений я впервые ступлю на настоящую землю.

Вистилиада – не тюрьма, несмотря на то что на территории города таковая имеется.

Это круговорот ярких фасадов магазинов и уличных фонарей высотой с дом. Их огонь достаточно яркий, чтобы освещать целые улицы.

Находясь здесь, я нарушаю все существующие правила, но на этот раз мне плевать.

По телу пробегает дрожь, от беготни по улицам кружится

голова. Ноги стучат по брусчатке. Легкие втягивают морской воздух. Облака, окружающие Парящую Гору и расположенную на ней башню, впервые выглядят такими далекими.

Я бегу вдоль края гавани, разглядывая огромные лодки, привязанные к докам. Они покачиваются на волнах, дергая свои путы и стремясь к свободе. Вокруг лодок и парусов парят птицы, они хлопают большими белыми крыльями и поют от радости.

Взору предстает бескрайнее море. Целый мир. Я хватаюсь за каменное ограждение и перегибаюсь через него. В голове возникает вопрос: каково это, увидеть мир?

Быть как те птицы, парящие над океаном.

Я оглядываюсь на Вистилиаду. Дыхание перехватывает, когда до меня доносится далекий гул музыки.

Может, это уличный артист?

Или веселый праздник в соседней таверне?

Хотела бы я узнать, но у меня нет времени, даже если сердце так отчаянно этого жаждет. Я бы хотела увидеть это место при свете, когда открываются пекарни и витрины с выпечкой блестят на солнце. Я хочу гулять по этим улицам вместе с Иренией и подпевать уличным музыкантам.

Мне кажется, что я как-то обделила город, впервые увидев его в темноте. Но времени на размышления не осталось.

Я должна найти Нокса.

Я брожу по улицам Вистилиады в течение часа: пробираюсь сквозь влажные пески возле доков, а затем бегу по вы-

ложенной брусчаткой дороге, вдоль которой расположились пустые витрины.

– Думай, Селестра, – настойчиво бормочу себе под нос. – Забудь о полетах и пении птиц и подумай о том, где может оказаться солдат посреди ночи в месяц Фестиваля.

Ответ приходит быстрее, чем я рассчитывала.

Впереди я замечаю соломенную крышу здания, от которого веет арахисом и медом. Вывеска скрипит, покачиваясь на ветру, словно предостерегая не входить.

Табличка с надписью *«Приветствуем солдат Последней Армии»*.

Интересно, есть ли места, куда их не пускают? Солдаты короля славятся своими дивными нравами.

Я вхожу внутрь.

Мне не приходилось бывать в тавернах, и «После заката» кажется ужасно сырым местом. Со столов капает, а полы настолько липкие, что мои ботинки приклеиваются к деревянному покрытию.

Я оглядываюсь, и когда замечаю, что полы не красные, а большая часть стен закрыта черными занавесками, торываюсь между облегчением и разочарованием.

Это не то место, где нам предстоит погибнуть, но это также значит, что я все еще не знаю, от чего предостеречь Нокса. Или, для начала, как его найти.

Я поправляю маску, дабы убедиться, что мое прикрытие на месте.

Женщины при дворе любят украшать лицо красивыми масками, а для меня это идеальный способ скрыться от любопытных зевак. Свой главный трюк я провернула с глазами, которые больше не выглядят пронзительно желтыми. Я замаскировала их с помощью специальной краски, украденной у одной из придворных дам, которая любит менять оттенок радужки в угоду моде.

Я многому научилась, наблюдая со стороны.

Хоть я не совсем вписываюсь в окружение, я бы предпочла, чтобы гости таверны думали, будто перед ними какая-то потерянная придворная дама, нежели ведьма. Мне пришлось стащить из сундука Ирении платье, потому что мой бальный наряд привлек бы все внимание.

Когда я замечаю себя в зеркале – карие глаза, волосы спрятаны под плащом, – то с трудом узнаю.

Я подхожу к барной стойке и сажусь на пустой табурет, тело ломит от усталости.

– Какую отраву желаешь испить? – спрашивает бармен.

Я прочищаю горло и стараюсь выглядеть непринужденно.

– Самую дешевую, – отвечаю я.

Он фыркает и через несколько мгновений пододвигает ко мне кувшин с пенящейся жидкостью и большой круглый стакан.

– Медовый сок, – объясняет мужчина. – С тебя две серебряных монеты.

Я кладу их на стойку. В замке легко найти деньги.

– Здесь довольно многолюдно, – говорю я, оглядывая переполненные столики, отчаянно желая завязать хоть какой-то разговор.

– Во время Фестиваля это норма, – отвечает бармен. – Каждый гость использует таверну как место для ставок, желая изменить свое будущее. Срабатывает лишь в половине случаев, но они любят испытывать судьбу.

«*Несчастливые идиоты*», – думаю про себя. Дураки, готовые рискнуть жизнью ради обещанных матерью и королем несбыточных мечтаний.

Я наливаю медовый сок в стакан, сладкая пена пузырится у краев. Я подношу напиток к губам и поражаюсь его вкусу. Совсем не похоже на горький грейпфрутовый сок, который подают в замке. Это теплый сироп, божественный нектар, мягко обволакивающий горло.

Я закрываю глаза и наслаждаюсь дивным вкусом напитка, на губах застыла легкая улыбка. Внезапно из угла, где располагалась группа мужчин, доносится череда громких ругательств.

– Это же змея! – заявляет один из них. – Кажется, ты только что меня озолотил.

Я замираю, стакан зависает возле губ при звуке знакомого голоса.

Я медленно поворачиваюсь и вижу, как Нокс Лайдерик сбрасывает карты к возмущению остальных восьми игроков. Он придвигает к себе кучу золотых и серебряных монет. На

его губах играет злобная улыбка, когда он разглядывает свой выигрыш.

Он действительно здесь.

Я опускаю голову, боясь, что Нокс меня заметит. Через мгновение я успокаиваюсь, потому что он совершенно точно меня не узнает.

Кроме того, разве я не *хотела* его отыскать?

Весь смысл моего похода сюда состоял в том, чтобы убедить его остаться дома на следующие несколько дней. Я хотела подробнее описать место, где ему суждено погибнуть, чтобы оно так же сильно врезалось в его память, как и в мою.

Я кусаю губу под маской и набираюсь смелости, чтобы повернуть назад, наблюдая, как Нокс пересыпает свой выигрыш в маленький набедренный мешочек.

– Сыграем еще разок? – спрашивает он.

– Рискни, – отвечает один из мужчин, его взгляд убийственный.

Я понимаю намерения незнакомца, но Нокс, похоже, не переживает об этом.

Чего и стоило ожидать.

Несмотря на то что мы встречались лишь единожды, я легко улавливаю парящую вокруг него атмосферу безрассудства. Нокс производит впечатление человека, которому спокойная жизнь лишь досаждаёт. Неприкасаемый подарок короля.

– Тогда вперед, – говорит Нокс. – Я обещаю не сильно

стараться.

Парень небрежно ухмыляется, не обращая внимания на взгляды мужчин. Думаю, мысль о том, что они затеют с ним драку, его забавляет.

Если бы эти люди знали, кто он такой, они не бросили бы ему вызов.

Я сужаю глаза.

Возможно, они действительно не в курсе.

На Ноксе нет униформы, он безоружен и с легкой улыбкой тянется за своим напитком.

Его новая метка отчетливо видна на ладони. Держу пари, что по меньшей мере полдюжины человек в таверне «После заката» обладают такой же.

Включая меня.

На этот раз я благодарна перчаткам, скрывающим мои секреты.

Я гляжу на Нокса, не в силах оторвать взгляд. Он не похож на того опрятного солдата, вошедшего в Большой Зал два дня назад.

Волосы парня взлохмачены, кудри торчат во все стороны, придавая лицу оттенок невинности. Без формы и напускной бравады он не так уж похож на воина Последней Армии.

Нокс выглядит как обычный парень.

Парень, из-за которого мне суждено погибнуть.

Внезапно мне кажется, что такая близость искушает судьбу.

Может быть, мое присутствие в таверне было ошибкой. Что, если я помогаю смерти нас найти?

Что, если Нокс не прислушается к моим предупреждениям и вместо этого побежит докладывать королю о сбежавшей из башни наследнице?

Я чувствую, что с каждой секундой мое самообладание слабеет. Внезапно Нокс оборачивается.

Мои глаза расширяются, и я быстро отворачиваюсь в сторону бара, надеясь, что он не заметил, как я глазею.

Удача не на моей стороне.

Нокс приближается, его ботинки тяжело стучат по полу. Когда он отодвигает соседний стул и садится, я чувствую на его коже запах моря.

Судорожно поправляю маску, на лбу выступил пот.

– Я тебя знаю? – спрашивает Нокс.

– Что? – Меня удивляет легкость в его голосе. – Нет. – Я не отрываю взгляда от своего напитка.

– Ты придворная? – Он предпринимает очередную попытку, заметив мою маску.

«Просто скажи ему, Селестра, – думаю про себя. – Тебе выпал шанс спасти две жизни, идиотка».

– Играешь? – Нокс указывает на карточный стол.

В ответ я качаю головой.

– Я могу тебя научить, – предлагает он. – Это не так уж сложно.

– Очевидно, что нет, раз ты умеешь играть, – выпаливаю,

не сдержавшись.

Я чертыхаюсь про себя.

В замке я всегда держу свои мысли при себе и киваю в ответ на речи короля и матери, как прилежная маленькая наследница.

И все же что-то в Ноксе не дает мне возможности держать язык за зубами.

Медленно на его губах появляется опасная улыбка.

– Ты была бы идеальной соперницей.

– Вынуждена отказаться. – Я киваю на его набедренную сумку. – Если выиграешь еще денег, они тебя перевесят.

Нокс смеется.

– Могу ли я облегчить непосильную ношу, купив тебе выпивку?

– Потребуется дюжина порций, прежде чем эта сумка станет хоть немного легче, – отвечаю я.

Карие глаза Нокса мерцают в свете фонаря.

– Дюжина порций. Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

Он терпеливо и любезно ждет моего ответа.

Нокс никогда раньше не смотрел на меня по-доброму.

Никто, кроме Ирени и Асдена.

Я наследница магии Сомниатис, меня должны бояться больше всего на свете. А если не меня, то мою мать, короля и того, что он с ними сделает за один неверный жест.

– Ты каждой незнакомке предлагаешь выпить?

– Нет, – отвечает Нокс. – Думаю, ты особенная.

– Что?

Я коротко смеюсь.

Должно быть, он считает себя очаровательным. Симпатичный солдат, привыкший к тому, что мужчины и женщины падают перед ним на колени.

– Особенная? – с насмешкой повторяю я. – Почему?

Нокс пожимает плечами.

– У тебя добрые глаза.

Улыбка мгновенно исчезает с губ, но Нокс не замечает этого под моей маской.

«*Это не так*», – думаю про себя.

И если бы Нокс действительно мог увидеть мои глаза, он бы подумал то же самое.

Мужчина протягивает мне ладонь для рукопожатия, я замечаю на ней метку короля.

– Кстати, я Нокс.

Я еле слышно втягиваю носом воздух.

На мне перчатки, под ними спрятана такая же метка, но мысль о рукопожатии все еще вызывает беспокойство.

Нокс – первый человек, к которому я прикасалась после Асдена, и добром это не закончилось. Несмотря ни на что, часть меня жаждет прикосновения.

Единственный доступный мне физический контакт исходит от Ирени, которая поправляет мои платья или пытается ударить меня по лицу.

– Это просто рукопожатие, – уверяет Нокс, заметив мои колебания. – Оно тебя не убьет.

– Вообще-то, – говорю я, – может.

Тем не менее я протягиваю ему руку.

Наша кожа не соприкасается, но во мне все равно вспыхивает фейерверк ощущений.

Рядом с Ноксом я становлюсь дикой. Необузданной.

Я знаю, что должна рассказать ему о себе и цели моего присутствия, но хочу насладиться свободой еще несколько секунд. Нет ничего сильнее мечты, которая жаждет претвориться в жизнь. А я мечтала о прикосновении и непринужденном разговоре всю свою жизнь.

– Приятно познакомиться, – отвечаю я.

– Взаимно.

Я гляжу на наши сцепленные руки.

Странное приветствие – схватить кого-то и потрясти рукой. Надеюсь, я все делаю верно.

А можно ли сделать это неправильно?

– Твой браслет, – произносит Нокс. Он впился взглядом в мое запястье, где висит золотой браслет. – Где ты его достала?

Я отстраняюсь и прячу украшение под рукав плаща.

Проклинаю себя за то, что не сняла его.

В браслете легко узнать королевскую драгоценность. Он принадлежал моей прапрабабушке и является единственной фамильной реликвией, единственным кусочком головолом-

ки моей семьи и жизни до короля, которым я когда-либо владела. Кроме того, Сирит приходит в ярость, когда я его снимаю. Так что браслет стал моей неотъемлемой частью.

Поэтому я даже недодумалась его спрятать.

– Обычный антиквариат, – пренебрежительно отвечаю я.

Нокс прищуривается, по-прежнему глядя на мои руки.

– Ты в перчатках, – говорит он, кивнув на черную ткань, облепившую руки. Мне казалось, что перчатки достаточно неприметны, но голос Нокса становится тише. – Это странно, ведь на улице жарко.

Я сглатываю.

Я замечаю момент, когда выражение его лица меняется. Беспечность улетучивается, улыбка становится натянутой, а челюсти напрягаются. К Ноксу приходит осознание.

– Что *ты* здесь делаешь?

Его голос дрожит от напряжения.

– Шпионишь за мной?

– Тише, – ворчу я.

Мне не нужно, чтобы об этом услышала вся таверна.

– Я знаю, кто ты. – Это звучит как обвинение. – В какую извращенную игру играет Сирит, раз послал тебя сюда?

Я бросаю на парня недоверчивый взгляд.

– Нельзя обращаться к нему по имени. Он король. У тебя могут быть проблемы.

Нокс поджимает губы, как будто пытается сдержать ухмылку. Намек на веселье возвращается к его лицу.

– Собираешься донести на меня, принцесса?

Я прищуриваю глаза.

– Я здесь не поэтому, – уверяю его. – Я пришла, чтобы предупредить тебя.

– Чтобы предупредить меня, – повторяет он.

– О твоей завтрашней смерти, – продолжаю я, понизив голос настолько, насколько возможно. – Нужно запомнить каждую деталь, чтобы никогда не оказаться в том месте. Полы были красные, а стены наполовину выкрашены в белый цвет. На них висели фонари. Из земли торчала какая-то ручка, ты пытался сбежать и...

– Почему ты здесь? – снова спрашивает Нокс.

– Я только что объяснила, – смущенно отвечаю. – Я пытаюсь тебе помочь.

Нокс выглядит почти удивленным моим ответом.

– Король не помогает участникам пережить Фестиваль Предсказаний. Так расскажи же, почему ты здесь, принцесса?

Я злобно гляжу на парня.

– Перестань так меня называть. Я не принцесса.

Меня так воспитали.

Я не королевская особа и не дочь короля. Я рождена от человека, которого моя мать пригласила на ночь. Она не спросила его имени. Бедняга был убит вскоре после этого, так что он никогда не мог претендовать на меня.

Я сглатываю, и Нокс склоняет голову набок, будто силясь

понять, почему я до сих пор его не убила.

Он не верит, что я хочу его спасти.

Интересно, как бы он отреагировал, если бы я рассказала ему всю правду.

Если бы я объяснила, что он каким-то образом связал наши судьбы, отмахнулся бы он от меня и поклялся бы заботиться лишь о себе? Или побежал с доносом к королю, надеясь, что он сможет обменять информацию на свою душу?

Возможно, он бы пожелал работать сообща, чтобы во всем разобраться.

Хотела бы я знать наверняка.

– Эй! – Чей-то голос нарушил воцарившуюся между нами тишину. – Я хочу вернуть свои деньги!

Один из мужчин шагает к Ноксу.

Он злобно тычет в него пальцем.

– Золото должно быть моим, и ты это знаешь.

Нокс соскальзывает со стула.

– Я уже предлагал тебе реванш, – спокойно отвечает он. –

Но эта дама привлекла мое внимание на всю оставшуюся ночь. Может, попробуем завтра?

«Если к тому времени мы оба не умрем», – думаю я.

– Мошенник! – кричит мужчина, приближаясь. Я чувствую запах алкоголя в его дыхании. – Я поразмыслил и понял, что ты не мог выиграть несколько раз подряд. Ты подмешивал карты!

– Мне и в голову не пришло бы так оскорблять твою

честь, – отвечает Нокс мягким, как медовый сок, голосом. – Ты был одним из самых сложных противников, с которыми я когда-либо сталкивался, честное слово.

Я моргаю.

Он действительно пытается очаровать незнакомца, чтобы избежать драки в баре?

– Верни мои деньги, – неубедительно требует мужчина.

Вокруг нас начинает собираться толпа любопытных зевак. Уверена, они жаждут драки. В таком месте частенько проливается кровь.

– Просто отдай ему монеты, – яростно шепчу я.

Нокс спокойно отвечает:

– Даже не подумаю.

Я вскидываю руки.

– Что с тобой такое? Не терпится умереть?

Пьяный мужчина сердито хмурится, вытягивает руку и хватает меня за запястье. Его пальцы сжимают ткань перчаток.

– Отдай мне золото, пока я не навредил твоей подружке.

Я округляю глаза.

Этот нахал схватил меня, словно я какая-то разменная монета, а не человек. Если он думает, что может угрожать мне, дабы добраться до Нокса, то ошибается. Хотя бы потому, что этому солдату наплевать, что со мной случится.

Меня так и подмывает скинуть капюшон и выставить напоказ зеленые волосы, просто чтобы увидеть выражение ли-

да подонка, когда он поймет, кто я такая. Но если я раскроюсь, король и моя мать узнают, что я покинула замок. И – что еще хуже, – что я пришла предупредить одного из участников Фестиваля.

Они бы решили, что я предательница.

Поэтому я решаю провернуть кое-что получше.

Я собираюсь вырваться из хватки мужчины, направить колено ему в пах и ударить локтем в переносицу, как учил меня Асден.

Пьянчуга не осознает, с кем связался.

Едва я успеваю принять боевую стойку, как в воздухе проносится кулак Нокса.

Он бьет мужчину в горло, отчего тот падает на пол и начинает задыхаться.

Я оборачиваюсь и удивленно гляжу на Нокса.

– Что это было? – возмущаюсь я. – Мне не нужно, чтобы ты меня спасал!

– Знаю. Ты не принцесса. – Нокс закатывает глаза. – Но в некоторых кругах все же вежливо ответить *спасибо*. – Он поворачивается к пьяному мужчине. – На самом деле я хотел бы уладить все без драки. Не хочу причинять тебе боль.

Пьянчуга громко смеется.

– Не думаю, что это будет проблемой.

Семеро мужчин за карточным столом сердито пялятся на Нокса.

Они один за другим ставят стаканы на липкий стол и под-

ходят к побитому товарищу.

– Сегодня ночью ты сдохнешь, – ворчит первый мужчина, немного запыхавшись. Он кивает на королевскую метку на руке Нокса. – Интересно, это то, что предсказала тебе ведьма?

Я отступаю назад как раз в тот момент, когда один из незнакомцев разбивает стакан о ближайший столик и удерживает осколок как оружие.

– Мы выпотрошим тебя, щенок.

Нокс приподнимает бровь.

– Вам не кажется, что вы немного перегибаете палку?

Через мгновения мужчины бросаются вперед.

Нокс легко уклоняется и бьет одного из них локтем в нос с такой силой, что тот падает на пол и не может подняться. Когда другой, с осколком, прыгает вперед, Нокс выбивает стекло из его руки с такой силой, что я слышу, как трещат кости незнакомца.

Нокс двигается быстро, словно буря, обрушившаяся с небес и пронзающая Бескрайнее море. Его стиль борьбы совсем не похож на Асдена.

Асден был быстр, но Нокс еще проворнее.

Асден был яростным, но Ноксу нет равных.

Даже без меча он превосходит окружающих, пробиваясь сквозь толпу, словно они картонные куклы. Его движения грациозны и беспощадны.

Хотя ни один из его ударов не смертелен.

Кажется, что Нокс сдерживается. Это странно, ведь солдаты Последней Армии должны наслаждаться разрушением и грубой силой. Вот почему король смог выиграть Правую Войну и завоевать Шесть Островов более века назад. Так почему же Нокс, солдат Последней Армии, старается никого не убить?

Первый мужчина вытаскивает нож. Дыхание перехватывает, когда я замечаю, что он пытается вонзить его в спину Нокса.

– Осторожно! – кричу я.

Нокс двигается так быстро, что его очертания расплываются перед глазами.

Он выхватывает нож у мужчины и наотмашь бьет по груди.

Удар не смертелен, но жесток. Испуганная толпа с визгами и криками бросается к двери, почуяв запах надвигающейся смерти.

Среди возникшего хаоса кто-то спотыкается и срывает одну из черных занавесок рядом с дверью. Стены, спрятанные за ней, обнажаются.

Голые кирпичи, с которых кусками слезает старая белая краска.

Я опускаю взгляд на пол – теперь он красный от крови нападавшего.

Дыхание замирает.

Красный пол, белые стены. Это место из видения.

Все происходит на день раньше.

– Ты в порядке? – спрашивает Нокс. Он на мгновение отвлекается от драки, чтобы осмотреть меня.

«Нет, – думаю про себя. – Я не в порядке».

Глупо было приходиться сюда и покидать безопасную башню ради того, чтобы предупредить Нокса. Глупо полагать, будто я могу обмануть саму смерть или разрушить проклятие такой могущественной ведьмы, как моя прапрабабушка. Я всего лишь наследница.

Я замечаю, как позади Нокса возникает огромный мужчина. Он пользуется тем, что тот отвлекся, и впечатывает кулак в основание его позвоночника.

Нокс падает на колени, а я бегу к двери, следуя за толпой.

Мне удастся скрыться до того, как они ринутся за мной.

Я не умру в этом месте.

Может быть, наши с Ноксом души вовсе не связаны, и мне следует вернуться в безопасный замок.

Я протискиваюсь сквозь толпу и почти достигаю двери, когда слышу крик Нокса.

Звук заставляет меня застыть на месте.

Полдюжины мужчин нависли над парнем.

Один из них смеется, затем бьет Нокса по ребрам так сильно, что я слышу хруст костей.

Я вздрагиваю, когда его снова пинают.

По спине.

По коленям.

Мужчины один за другим обрушивают жестокие удары. Они не проявляют того милосердия, которое Нокс выказывал им.

«Неважно, – произношу про себя. – Беги, если жизнь дорога».

Но это важно.

Как бы я ни старалась игнорировать это, как бы хорошо ни помнила слова короля о том, что забота – это слабость, людям нельзя доверять. Человеческая жизнь имеет значение.

Кем я стану, если убегу и позволю Ноксу умереть?

Кто я такая, если оставляю его на произвол судьбы?

Я знаю ответ. Он отравляет все внутри, подобно проклятию. Перед глазами мелькает лицо Асдена. Я слышу, как он молит о пощаде, которой так никогда и не дождетя.

«Если ты сбежишь, то станешь настоящей королевской ведьмой», – говорит мне голос.

«Ты превратишься в свою мать».

– Черт возьми, – выпаливаю я, задыхаясь.

Я разворачиваюсь и бегу к Ноксу.

Глава 9

Селестра

Ноги разъезжаются на скользком от крови полу.

Желудок скручивает узлом.

Я силюсь твердо стоять на ногах и сглатываю желчь, отталкивая нескольких мужчин в сторону, пытаюсь вытащить Нокса.

Я недостаточно сильна.

Нокс придавливает меня тяжестью своего тела. Один из пьянчуг хватает и тянет меня назад, я падаю на пол. Мужчины смеются, и во мне синим пламенем разгорается ярость.

Фонари на стенах таверны темно-янтарные. Я пристально смотрю на них и вижу танцующие внутри языки пламени.

Я чувствую под кожей потоки магии, она умоляет о высвобождении. Она хочет, чтобы я сражалась.

Лежащий на полу Нокс впился в меня взглядом.

Его лицо залито кровью, но я уверена, что он заметил вспыхнувший в моих глазах огонь.

Кто-то снова пинает Нокса, и его голова запрокидывается.

Я не могу дышать.

Кажется, что я вновь наблюдаю за смертью Асдена. Но на этот раз я могу все остановить. Я больше не ребенок, прячущийся за мамину юбку.

Срываю с руки перчатку и гляжу на человека, который все это затеял. Того, кто обвинил Нокса в жульничестве и схватил меня за руку.

Несмотря на уроки Асдена, я не смогу одолеть стольких противников одновременно. Если я напугаю одного из них видением будущего, возможно, остальные испугаются и сбегут?

Стараясь не думать о боли, которая пронзила тело в прошлый раз, я протягиваю руку и обхватываю запястье мужчины.

Кожа к коже.

Плоть к плоти.

Незнакомец напрягается, но видение не приходит.

Я концентрируюсь, позволяю крепнуть страху и гневу. Может, это сработает. Чувства закипают внутри.

Я представляю черные глаза короля и звук закрывающейся двери. Каждую ночь меня запирали в комнате. Представляю, как с лица матери исчезает улыбка и сменяется чем-то холодным и далеким.

Звуки ее колыбельных растворяются в тишине.

Мужчина бьется в конвульсиях.

Я чувствую, как внутри меня дергаются странные нити.

Как и внутри незнакомца.

Это *придает мне сил*.

– Что ты делаешь? – кричит кто-то. – Остановите ее!

Никто не двигается с места.

Окружающие слишком напуганы, чтобы что-то предпринять, а мужчина дрожит под моей хваткой.

Я чувствую, как его энергия вливается в меня. Его жизнь. Я жадно пью ее, словно изнываю от жажды. Я вижу, как свет факелов таверны становится ярче и насыщеннее. Пламя становится все больше и яростнее, как и моя сила.

– Селестра. – Голос Нокса далекий и хриплый. – Ты погубишь его.

Убей его.

Слова врезаются в разум, и комната с поразительной скоростью возвращается в фокус.

Я не хочу никого убивать.

Концентрируюсь на своей руке, которая все еще сжимает незнакомца.

Не знаю, как, но я вытягиваю из него жизнь. Так же, как моя мать забирает души мертвых и скармливает их королю. Точно так же, как прапрабабушка вытянула жизни и магию из древних ведьм.

Я в ужасе отдергиваю руку, и мужчина падает на пол. Он бледен, как звезды на ночном небосводе.

Комната становится четче.

Крики толпы стихли.

На лицах окружающих отпечатался животный страх. Мои глаза все еще скрыты краской, но маска и плащ соскользнули, обнажив изумрудную зелень волос.

– Ведьма! – кричит кто-то.

– Она убьет нас всех! – раздается вопль.

Я сглатываю.

Нет, нет, нет.

Если они меня узнали, значит, король в скором времени догадается, что я была здесь. Я буквально слышу, как на башню вешают дополнительные замки.

Ставят на окна новые решетки.

Сирит позаботится о том, чтобы я никогда больше не увидела солнечного света.

Голова кружится, но я поднимаюсь на ноги. Толпа отступает на несколько шагов.

Дюжина людей внимательно наблюдает за мной, гадая, что я предприму дальше.

Комната кружится, а энергия, которую я вытянула из мужчины, встала поперек горла. Мне кажется, что я пьяна. Возможно, меня сейчас стошнит.

– Если хоть кто-нибудь заговорит об этой ночи, то мы с матерью накажем вас, – угрожаю я, пытаюсь скрыть отчаяние. – Я наследница магии Сомниатис, сила моей семьи покарает вас.

Голос звучит смелее, чем я чувствую себя на самом деле. Надеюсь, окружающие не заметят этого. Я должна убедить их хранить молчание.

Король и Теола убьют каждого в таверне за то, что они посмели хотя бы косо взглянуть в мою сторону.

– Пошли прочь! – кричу я толпе. – Бегите домой и никогда

больше не говорите о случившемся.

К моему удивлению, люди слушаются.

Они мчатся прочь от злой ведьмы, пихаются, крушат все вокруг, словно стадо диких животных.

Несколько человек поднимают с пола мужчину, энергию которого я забрала. И тащат его к двери. К счастью, мужчина все еще дышит.

Один из фонарей падает на пол и касается края упавшей занавески. Пламя молниеносно растекается по ткани, словно реки на Парящей Горе.

Я зажмуриваюсь и пытаюсь успокоиться, но комната все еще качается перед глазами, а звуки пожара оглушают.

Поднимаю руку, чтобы вытереть кровь из носа, но ее нет.

Использование большого количества сил всегда давалось мне дорогой ценой. Кровь из носа или головная боль, когда я залечиваю раны после спаррингов с Иренией. Но не в этот раз.

Вместо привычного опустошения я чувствую прилив энергии. Кажется, я вот-вот потеряю сознание от той силы, что бурлит внутри благодаря незнакомцу.

Чувствует ли король то же самое, когда питается душами?

Чувствует ли он бессмертие и непобедимость, насытившись магией моей семьи?

Я судорожно сглатываю.

В любом случае я ненавижу Сирита.

Таверна горит.

В комнате нет никого, кроме Нокса и меня. Пламя, которое несколько минут назад лизало занавески, рассыпается по стенам и полу огненным водопадом.

Огонь приближается с невероятной скоростью.

Дым сгущается, моя кожа становится все горячее.

Видение сбывается.

Я быстро наклоняюсь к Ноксу, который лежит на залитом кровью полу. Не знаю, когда он успел потерять сознание.

Рукой в перчатке я касаюсь его щеки, уговаривая очнуться.

– Мы должны выбраться отсюда, – прошу я.

Нокс шевелится, но не открывает глаза, поэтому я трясущей рукой касаюсь его за плечи.

– Очнись! – кричу я еще более настойчиво.

Нокс хмыкает и тяжело вздыхает.

– Ты пытаешься убить меня или спасти? – хрипло спрашивает он.

– Еще не решила.

Я поднимаю Нокса на ноги и закидываю его руку себе на плечо.

Лицо парня алое от крови. По его движениям я понимаю, что у бедняги сломано несколько ребер.

Мы поворачиваемся к выходу, но комната наполнена дымом, и я вижу только огонь.

На стенах.

На двери.

– Не хочу показаться грубым, но разве ты не предвидела путь отступления? – спрашивает Нокс. Он кашляет и машет рукой, чтобы отогнать от лица дым.

Я изучаю комнату, но не нахожу другого выхода. Окна распахнуты, вокруг них яростно потрескивает огонь, пробраться сквозь них не удастся.

И в этот момент меня осеняет.

Мое видение.

Образ, который врезался в сознание с такой силой, что забыть его не удастся.

Ручка в полу, окруженная битым стеклом.

Люк.

Я разворачиваюсь. Я предвидела другой выход.

– Сюда.

Я перешагиваю через огонь и тащу Нокса за стойку. На полу среди груды бутылок виднеется дверца.

Я наклоняюсь.

– Как ты о ней узнала? – голосит Нокс, перекрикивая рев пламени.

Он становится на колени рядом со мной, морщась от боли из-за полученных травм.

– Я же вижу будущее, – отвечаю я. – Помнишь?

Над нашими головами содрогается потолок, из его щелей сыпется пыль.

Я знаю, что он может обвалиться в любой момент.

– Надо поспешить.

Я поворачиваю ручку и открываю маленький люк. Перед нами предстает узкий тоннель.

– Есть идеи, куда он может вести? – спрашивает Нокс.

– Прочь отсюда, – отвечаю я и спрыгиваю вниз.

Нокс быстро прыгает следом и с глухим стуком приземляется рядом со мной.

Я протягиваю руку и закрываю люк в надежде, что это сдержит огонь.

Прищурившись, пытаюсь привыкнуть к темноте.

Туннель достаточно высок, чтобы мы смогли проползти дальше. Единственный источник света свисает с двери, отбрасывая свет на туннель и грязные стены.

– Вперед, – прошу я, подталкивая Нокса вперед.

Нокс резко вздыхает и ползет вперед, каждое движение причиняет ему боль.

Вокруг все в грязи, по стенам и потолку ползут сорняки. В какой-то момент шматок грязи падает мне на плечи.

Нокс подносит к глазам руку, покрытую зловонной жижей.

– Жуткая антисанитария. Как думаешь, когда они в последний раз чистили свой аварийный люк?

– Не мог бы ты ползти проворнее? – ворчу я.

– Не нравится мой вид сзади? – сухо спрашивает Нокс.

Я закатываю глаза.

Зря я пустила его вперед.

– Ползи уже.

Туннель быстро наполняется дымом, в горле пересыхает, а от кашля становится только хуже. Грудь болит так, словно дым пытается разорвать меня изнутри.

Глаза щиплет.

– Я вижу свет! – объявляет Нокс.

Он начинает ползти быстрее.

Лунный свет просачивается сквозь щели проема, наскоро заколоченного деревянными досками.

Нокс бьет в них локтем с такой силой, что я вздрагиваю.

Парень не останавливается, хотя удары наверняка причиняют ему нестерпимую боль. Должно быть, он привык к боли. Нокс ударяет снова и снова, пока не пробивает отверстие. Он отрывает оставшиеся доски.

Мы выползаем наружу.

Сухая летняя трава хрустит под ладонями. Я вдыхаю свежий ночной воздух и поднимаюсь на ноги.

Руки почернели от грязи и копоти, кашель пытается выгнать из легких остатки дыма.

Нокс поднимается на ноги рядом со мной. Он пошатывается, но ему удается удержать равновесие. Как же мне хочется упасть на траву и проспять несколько дней подряд.

Эйфория от поглощения энергии закончилась, теперь на моей груди осела тяжесть. Магия стонет от усталости.

Что бы я ни делала, это кажется неправильным.

Примерно в полумиле от того места, где мы находимся, объаты пламенем руины таверны «После заката». Я наблю-

даю, как здание стораёт дотла.

– Похоже, придется поискать новое место для карточных игр, – говорит Нокс. – По крайней мере, я забрал свои деньги.

Он тянется к рукаву и бросает на траву две карты.

– Ты действительно жульничал? – ошеломленно спрашиваю я.

Нокс насмешливо вскидывает бровь.

– Не знал, что у тебя такой строгий моральный кодекс, принцесса. Кроме того, мне были нужны деньги.

– Ты рисковал жизнью ради парочки золотых монет?

– Говорит мне человек, которому никогда не приходилось беспокоиться о деньгах.

Я закатываю глаза и направляюсь к ближайшему переулку. Нокс ничего не знает о моей жизни. Он считает, что она наполнена бриллиантами и бальными платьями, но, по крайней мере, ему позволено совершать все, что заблагорассудится, и путешествовать, куда вздумается.

У меня есть деньги, зато у него есть свобода.

Я шагаю быстрее. Мне нужно вернуться в замок и привести себя в порядок, прежде чем кто-нибудь заметит мое отсутствие.

– Мне казалось, что ты предсказала мою смерть завтра, – говорит Нокс. Он хромотает вслед за мной, стараясь не отставать. – Не самое удачное время, чтобы путаться в датах, тебе не кажется?

Кажется.

Я чуть не погибла из-за собственной невнимательности.

Я бы ни за что в жизни не отправилась в маленькие города или таверну, если бы знала заранее. Какая из меня ведьма, если я не могу предсказать даже собственную смерть?

– Я ошиблась, – отвечаю я.

– А после этого ты меня спасла, – продолжает Нокс. Его брови сдвинуты к переносице в замешательстве. – Что из этого было ошибкой?

Я качаю головой.

Честно говоря, без понятия.

Я спасла наши жизни и в то же время предала короля. Если Сирит когда-нибудь узнает...

Закусываю губу и продолжаю идти.

Нокс хватается за ребра, пытаюсь поспеть за мной.

– Ты могла бы позволить тем людям в таверне забить меня до смерти, – произносит он. – Но ты вернулась.

Он смотрит на меня с любопытством, как будто я какая-то головоломка, а не человек.

– Почему ты вернулась?

– Не знаю, – отвечаю я, в то время как голос в моей голове шепчет: *«Потому что это было правильно»*.

Потому что ты связал наши судьбы в тот день, когда пришел за предсказанием.

И, возможно, я не хочу быть похожей на свою мать».

– Больше такого не повторится, – ворчу я.

Нокс убирает с лица влажные от крови и покрытые пеплом волосы.

– Но мы прекрасная команда.

Я бросаю на парня недоверчивый взгляд.

Мы чуть не погибли! Если Сирит узнает, что этим вечером мы были вместе – если кто-то из сбежавших проигнорирует мои угрозы и раскроет секрет – мы с Ноксом будем наказаны.

Король решит, что я замышляю против него заговор, дабы лишить его души. Он не потерпит дерзкую наследницу. Сирит не оставит в живых неверного слугу.

Даже ведьму.

Особенно ведьму.

– В следующий раз справляйся в одиночку, – отвечаю я Ноксу.

Отныне каждый из нас будет сам по себе.

С этими словами я отворачиваюсь и шагаю в сторону замка.

Глава 10

Нокс

Я не могу перестать думать о Селестре Сомниатис. Мои мысли витают далеко, в то время как мы с Микой идем вдоль армейских доков, где черные воды Бескрайнего моря лениво покачивают лодки.

Мысленно я нахожусь не здесь.

Мне не удастся выкинуть лицо Селестры из головы.

Я представляю, как она склоняется надо мной. Ее глаза подобны солнцу на рассвете, а пальцы царапают мой шрам.

Каждый раз, когда я закрываю глаза, то вижу, как она освещает бескрайнюю ночь своей магией. Когда мои глаза открыты, я слышу ее слова о том, что она хочет мне помочь. Слышу, как она выкрикивает мое имя.

Как будто моя жизнь имеет значение.

Словно я не простой солдат, чью душу она хочет отдать своему королю.

С тех пор как Селестра меня спасла, прошло несколько дней, но события того вечера без остановки прокручиваются в голове. Даже сейчас, когда мы направляемся в замок, чтобы ответить на таинственный призыв короля, все мои мысли возвращаются к Селестре Сомниатис.

Девушка, в чьих глазах горит огонь.

– Осторожно! – кричит Мика.

Через секунду я падаю на землю, и раздается громкий звон бьющейся черепицы.

Возле моих ног возвышается целая гора битой глины, в воздухе висит пыль. Я поднимаю взгляд и замечаю каменщиков, которые с ужасом глядят на меня.

– Эй, ты в порядке? – кричит один из них.

– Он умер? – спрашивает другой.

– Еще нет, – бормочу я себе под нос, морщась от боли в ребрах.

Несмотря на целебные мази, которые Мика купил для меня на рынке, я все еще не оправился от драки в таверне. К счастью, сегодня я отделался лишь небольшой царапиной на локте.

– Он шевелится! – кричит один из каменщиков. – Приведите все в порядок!

Я оглядываюсь. Мощеная улица усыпана битой черепицей, некоторые куски раскрошились в пыль.

Хорошо, что это был не мой череп.

– Думаю, сегодня у меня счастливый день, – произношу я с облегчением.

– *Счастливый?* – Мика лежит рядом со мной, он отбросил нас обоих на безопасное расстояние.

Друг кладет голову на землю и издает протяжный стон.

– Я запрю тебя в комнате, обитой подушками, – бормочет он.

Я с трудом поднимаюсь на ноги и протягиваю Мике ладонь. Он не выглядит впечатленным.

– Тебе следует быть осторожнее, – упрекает друг, когда я поднимаю его с земли. – Началась вторая неделя, Нокс. Это означает, что тебя ждет еще две смерти на пути к середине испытания. Похоже, что первая костлявая оказалась милой и практически безобидной.

Я отмахиваюсь от него и отряхиваю пыль с куртки.

– Ты слишком много беспокоишься.

– А ты недостаточно волнуешься, – возражает Мика. – Эта сделка опасна. Есть причина, по которой лишь горстка людей доживает до момента исполнения желания. И еще более веская причина, по которой никто и никогда не продвигается дальше этого.

– Но ни за кем из тех людей не приглядывал ты. – Я перекидываю руку через плечо друга. – Зачем мне волноваться, когда рядом есть герой-спаситель?

Мика раздраженно отпихивает меня.

– Ты можешь умереть в любой день, и видения не спасут тебя. Запомни это.

– Я ценю твои мотивирующие напутствия.

– О каких напутствиях может идти речь, когда ты стоишь рядом со мной покрытый синяками, словно перезревший банан?

– Все не так плохо, как кажется.

– Правда?

Мика протягивает руку и тыкает меня в бок, а я дергаюсь и ахаю от боли.

– За что? – рычу я.

– За то, что ты отвратительный лжец, – отвечает он. – Ты сломал ребро.

– Вообще-то, два, – бормочу я, осторожно потирая синяк.

Кажется, стоит потребовать возврата денег за бесполезные лечебные бальзамы и мази.

– Ты действительно считаешь, что твой отец хотел бы этого? – спрашивает Мика, его голос становится мрачным. – Ты не думаешь, что он бы рассердился, увидев тебя в таком виде?

Я знаю, что так и есть. Отец бы скупил у торговцев все лекарства и мази и принес бы теплый суп к моей постели, не позволяя мне вставать, пока не исчез бы самый последний синяк. Он всегда слишком сильно волновался.

Если бы отец был жив, он бы попросил меня дожить до середины испытания, загадать приятное желание, а затем положить конец сделке.

Не пытаться забрать бессмертие короля.

Не пытаться его победить.

Просто отпустить.

Но я не могу.

Если не убью Сирита, он станет сильнее и будет поглощать столько душ, сколько захочет, навсегда лишая людей светлого будущего.

Я не позволю этому случиться.

Больше никто не потеряет свою семью.

– Смерть может прийти за мной, когда захочет, – отвечаю Мике. – Но что бы ни преподнес мне этот месяц, я позабочусь о том, чтобы король встретил свою погибель.

Это обещание дано мне и Мике. Дань памяти отца. Какой бы ни оказалась цена.

– Знаю, – со вздохом говорит Мика. Он уступает моему упрямству. – Мы сделаем это вместе.

Друг кладет руку мне на плечо, безмолвно сообщая, что я не одинок.

«*Это не твоя битва*», – сказал я ему однажды.

«*Все твои битвы – мои*», – последовал ответ.

У меня нет отца, но благодаря Мике я знаю, что у меня все еще есть семья. Король не может похвастаться тем же. Когда я заберу его бессмертие и проткну грудь отцовским мечом, никто не посадит в его честь дерево и не принесет цветов к надгробному камню.

Люди захотят, чтобы он исчез. Они забудут его.

В тот день, когда это произойдет, душа моего отца сможет обрести покой.

Возможно, и я тоже.

Я стою у подножия трона Сирита. Черепа, из которых он

изготовлен, взирают на меня пустыми глазницами.

– Поздравляю, ты выжил, – говорит Теола, восседающая рядом с королем. – Не то чтобы я удивлена.

– Пожар в нижнем городе произошел по твоей вине? – с интересом спрашивает Сирит.

Он внимательно наблюдает за мной, склонив голову набок, изучая мой слегка растрепанный вид. Не думаю, что он когда-либо видел меня с настоящим синяком, не говоря уже о фингале под глазом, который расплылся на половину лица.

Для меня это тоже в новинку.

В таверне «После заката» я проявил неосторожность: не оценил ситуацию и не заметил, что у мужчины, которого я решил обмануть, есть еще семеро друзей, жаждущих крови и драки.

Больше я не совершу подобной глупости.

Я невозмутимо гляжу на короля.

– Возможно, я туда заглядывал.

– Да уж, ты определенно запомнился. Как они умудрились так сильно тебя побить?

– Восемь против одного, – отвечаю я. – Это застало меня врасплох и случилось не в тот день.

Я думаю о Мике, ожидающем за дверью и желающем снова запереть меня в комнате, обшитой подушками.

Улыбка короля дрогнула.

– Кажется, моя наследница не может сделать даже простое предсказание.

Рядом с Сиритом вспыхивают желто-зеленые глаза Теолы.

– Нокс жив и здоров, – произносит она мягким, как шелк, голосом. – Ее видение определенно помогло ему выжить.

Скорее нечто большее, нежели простое видение. Она собственноручно вытащила меня из пожара и спасла жизнь, хотя могла развернуться и сбежать.

«*Перестань думать о ведьме*», – ругаю я себя.

Сегодня утром я позволил Сестре занять мои мысли и чуть не погиб.

– Да, – негромко отвечает король. – Выходит, юная ведьма и вправду оказалась полезна.

Сирит садится обратно на свой трон.

На его лице нет и намек на знание того, что Сестра тоже была в таверне той ночью. Король веками тренировался скрывать истинные эмоции, накапливая гнев и злобу до тех пор, пока не придет время нанести смертельный удар.

Не верю, что он ничего не подозревает.

– Я рад, что ты еще жив, – продолжает Сирит. – По правде говоря, Нокс, сейчас мне нужны мои лучшие солдаты.

– Что-то случилось? – спрашиваю я, играя роль послушного солдата.

– Ничего нового. – Теола машет рукой, как будто разговор ее утомил. – Южный остров отказывается сдаваться.

Полагаю, она имеет в виду, что они отказываются *умирать*.

Южный остров Полемистеса – единственное место, кото-

рое пережило почти столетие правления Сирита.

Дело не только в том, что это родина лучших воинов Шести Островов, но и в том, что здесь почти невозможно пришвартоваться. Острова окружены морскими блокадами и водоворотами, а сеть притоков напоминает ветви дерева. Не говоря уже о серьезной баррикаде. Когда Последняя Армия разрушила одну из стен и ворвалась на остров, убив короля, это ни на что не повлияло. Жители Полемистеса прогнали солдат и воздвигли еще более высокие стены.

Что касается самого острова, каждый слышал о его лесах, наполненных привидениями. Место, где духи местных воинов отдыхают на пути к раю, наполненное коварными испытаниями и трудностями. Духи должны будут доказать свою ценность.

Здесь живут монстры.

Реки могут утянуть вас в свои глубины и утопить.

Земля может поглотить вас целиком.

Это не место для живых.

На самом деле не только жители Полемистеса не поддаются Сириту, но и сам остров. Вероятно, поэтому в рассказе о волшебном мече отец упомянул именно его.

Столь могущественный магический артефакт смог бы существовать лишь в подобном месте.

– Неважно, – произносит король, мгновенно отбрасывая в сторону речи о войне. – Я позвал тебя сюда из-за сделки, Нокс. Ты доживешь до церемонии желаний и, конечно же,

сдашься, как и все остальные.

Это не вопрос. Король хочет, чтобы я кое-что понял: он никому не позволит посягнуть на его бессмертие.

– Знаю, ты не пожелал бы потерять свою душу, если бы через много лет она могла присоединиться к душе твоего отца в Реке Памяти, – говорит король. – Он хотел бы снова увидеться с тобой.

Кровь начинает бурлить под кожей. Ярко-алая жидкость, обжигающая вены беспощадной яростью. Души моего отца нет в Реке Памяти.

И мы оба это знаем.

– Исходя из этого и учитывая тот факт, что я справедливый король, который никогда не станет мешать вашему воссоединению, я хочу предложить тебе помощь. – Сирит наклоняется вперед, белки его глаз светятся. – Еще одно видение, которое поможет тебе выжить.

Я напрягаюсь.

До меня доходили слухи о том, что король дарует второе видение людям, которые пришли к нему по душе. Но это никогда не переходило за рамки обычных слухов. Людьями из тех рассказов всегда были богатые купцы, которые живыми принесли бы больше пользы.

Чем же Сириту приглянулся я, помимо того, что являюсь солдатом?

Если, конечно, король не боится, что я смогу зайти слишком далеко. Эта взятка – напоминание об отце – способ дер-

жать меня в напряжении.

– Вот почему мы вызвали тебя, – продолжает король, когда Теола встает со своего трона и спускается по ступеням в мою сторону. – Я присматриваю за своими любимчиками, Нокс.

Так вот кем он меня считает. Сирит хочет, чтобы я принадлежал ему.

Я отшатываюсь назад.

Рука Теолы останавливается в воздухе всего в нескольких сантиметрах от моей щеки.

– Нет, – выпаливаю я.

Лицо короля искажается.

Знаю, что провалил его испытание, но я не могу вынести мысли о том, что позволю этой ведьме прикоснуться ко мне. Это клеймит меня как собственность короля. Воин внутри меня жаждет риска, но долг перед Сиритом будет равен предательству памяти отца.

Вдруг через это видение они заметят и другие части моего будущего, в котором я планирую их уничтожить? Отказавшись от предсказания, я лишился весомого преимущества, но и они тоже.

– Это было бы несправедливо, – говорю я, придя в себя. Голос должен звучать уверенно. – Вы научили меня быть лучшим, и мне хочется доказать, что я именно такой. Если простой горожанин может дожить до середины пути, то солдату вашей армии под силу сделать это без подсказок и осо-

бых усилий.

– Ты уверен? – спрашивает король. – Гордыня может стать твоей погибелью, Нокс.

– Если это так, то я не был достоин нашей сделки с самого начала.

Сирит улыбается и откидывается на трон, на его лице появляется довольное выражение.

– Настоящий солдат, – изрекает он. – Мне это нравится.

Если его и задело мое решение, то он этого не показывает.

– Ты можешь уйти и начать готовиться к следующему визиту смерти, – продолжает король. – До скорой встречи, Нокс.

Я быстро кланяюсь и распахиваю двери Большого Зала.

Не проходит и секунды, как за мной захлопываются те самые двери, прежде чем кто-то бьет меня по затылку.

– О чем ты думал? – возмущается Мика.

Я знал, что он будет подслушивать.

– О том, что ушиб головы станет моей второй причиной смерти, – ворчу я, потирая затылок.

Мика не впечатлен моим остроумием.

– Ты упустил шанс выжить, – говорит он. – Ты сошел с ума?

– Может быть, он просто глупец.

Позади нас раздается голос Селестры.

Я оборачиваюсь и замечаю, что она сидит на выступе возле дверей зала, а рядом с ней стоит девушка, которую я не

узнаю.

Внезапно мое разочарование превращается в заинтересованность.

– Ох, верно, – подтверждает Мика. – Она тоже слушала. Я наблюдаю, как Селестра встает.

На ней не надето сверкающее бальное платье и нет маски, как в таверне.

Внешний вид девушки на удивление незатейлив.

Я никогда не видел ее в таких скромных одеждах.

Селестра одета во все черное – рубашка до шеи, длинные брюки и простые перчатки – она чем-то похожа на солдата. Она могла бы слиться с остальными, если бы не темно-зеленые волосы цвета мха, спадающие за спину.

«*Ведьма*, – напоминаю я себе. – *Она ведьма*».

– Мы снова встретились, – произношу с ухмылкой, приближаясь к юной ведьме. – Кажется, это превращается в привычку.

– Очень плохую привычку. – Селестра скрещивает руки на груди, создавая между нами барьер. – Выходит, ты еще жив.

– Похоже на то, – отвечаю я. – Хотя сегодня утром я бы не отказался от твоей помощи.

Любые намеки на улыбку исчезают с лица Селестры, она оглядывает пустую комнату, проверяя, чтобы нас не подслушали.

Она беспокоится.

Это застаёт меня врасплох, поскольку я считал, что ведьмы ничего не боятся, даже смерти. А если человек не страшится смерти, то чего ему вообще бояться?

Селестра плотно сжимает губы и смотрит на двери Большого Зала. В моей голове возникает ответ.

Ее мать. Король.

Селестра не хочет, чтобы они узнали о произошедшем в таверне. Селестра рада, что они считают, будто я справился со всем в одиночку.

Безрассудная надежда.

Хоть она и пригрозила людям в таверне, но это продлится недолго. Они не боятся ее так же сильно, как Теолы или короля.

А тайны имеют дурную привычку становиться явью.

– Ты же знаешь, что это я твой герой-спаситель, а не она, – встревает Мика, нарушая тишину.

Он делает шаг вперед и протягивает Селестре ладонь, а затем неловко откашливается, заметив перчатки на руках девушки.

– Мы так и не успели познакомиться, – говорит он. – Меня зовут Мика. Я тот человек, который постоянно спасает Ноксу жизнь.

Селестра выгибает бровь.

– Ты так говоришь, как будто этим следует гордиться.

– Ни в коем случае, – отвечает Мика, нервно посмеиваясь. – Как зовут твою подругу?

Селестра поворачивается к девушке, которая не выглядит впечатленной.

Она не похожа на богатую придворную даму. Я сужу по грязным светлым волосам до подбородка и отсутствию замысловатой прически. И, судя по взгляду ее карих глаз, ей все равно, войны Последней Армии мы или нет. Она не выглядит запуганной.

Да и зачем? Она водится с ведьмой.

– Это Ирения, – представляет ее Селестра. – Она ученица портнихи.

– Ирения, – повторяет Мика. – Ты когда-нибудь мечтала встречаться с солдатом?

– Ты не в моем вкусе, – прямо отвечает девушка.

Мика хмурится, задетый отказом.

– Что было у твоего последнего спутника, чего нет у меня?

– Грудь.

Я прочищаю горло, чтобы сдержать смех.

– Ой, – осекается он. – Тогда, может быть, в следующей жизни.

– В том случае, если солдаты Последней Армии не переродятся тараканами, – язвит Селестра.

На ее губах играет насмешливая улыбка, которой я никогда прежде не видел. Я всегда считал наследников жесткими и бескомпромиссным, идеальными марионетками.

Отныне понимаю, что крупно ошибался.

Селестра дикая и безрассудная девчонка, скрывающаяся

под личиной притворства и долга. Я вижу в ней желание уничтожить все на своем пути. Может быть, именно поэтому она переодевается и ходит по ночам в таверны.

– Кем же переродятся ведьмы? – спрашиваю я.

– Королевами, – незамедлительно отвечает Селестра.

Я наблюдаю за девушкой, внимательно следя за искорками в ее глазах, которые грозят вспыхнуть пламенем.

– Даже у насекомых есть королевы, – подначиваю я.

Губы Селестры дергаются, но так и не расплываются в улыбке. Ее взгляд скользит по змеиной отметке на моей ладони, а лицо вновь становится серьезным.

– Тебе действительно следовало принять предложение короля, – говорит она. – Новое предсказание могло бы спасти жизнь и помочь освободиться от сделки. Ты смог бы вернуться к прежней жизни.

– А если я не хочу возвращаться? – Я бросаю ей вызов.

Она ждала любого ответа, только не такого.

Селестра хмурится, задаваясь вопросом: почему солдат Последней Армии, который всю свою жизнь трудился, чтобы стать лучшим, и добился высот, не желает той жизни, которую он так тщательно строил?

Для той, кто предсказывает будущее, она далеко не всезнающая.

– У смерти есть дурная привычка добиваться своего, – наконец произносит Селестра, прервав тишину. – Ты не в безопасности, Нокс. Как и все остальные. Будь осторожен.

Я удивленно моргаю.

Будь осторожен?

Не знаю, угроза это или же предупреждение, но, прежде чем я успеваю ответить, Селестра резко разворачивается и уносится прочь по коридору. Ирения практически бежит, стараясь не отставать от нее.

Я наблюдаю, как они уходят, и не отвожу взгляда, пока Селестра не скрывается за углом.

Мика хлопает меня по плечу.

– Ты потерял нюх на девушек.

– Она не девушка, – напоминаю я ему и себе. – Она ведьма.

– Дельное замечание, – отвечает Мика. – Кстати, о ведьмах. У тебя есть план, как пережить следующий визит смерти, раз уж ты отверг предложение короля?

Я пожимаю плечами.

Никогда не был силен в планировании. Мика должен это знать.

Планирование и педантичность – вот как вы становитесь предсказуемыми, а в Последней Армии предсказуемость приводит к гибели. Король любит, чтобы солдаты интриговали его, приспособлялись к новым условиям и – ради всего святого – не становились скучными.

Всю свою жизнь я учился соображать на ходу.

– Как только ты доберешься до середины и решишь продолжить, вместо того чтобы загадать желание, королю будет

позволено тебя выследить, – напоминает Мика.

– Пусть попробует, – отвечаю я.

Друг вздыхает.

– Тебе действительно стоило принять его предложение, – стонет он.

Я прижимаю пальцы к вискам, чувствуя нарастающую головную боль.

Может, он и прав, но я пошел на эту сделку, чтобы попытаться обмануть смерть, разрушить бессмертие короля и отомстить за отца. Если я стремлюсь победить, то не могу продолжать следовать правилам, которые устанавливает король.

Я не стану умирать и жить по составленному им расписанию.

– Чтобы это сработало, нам понадобится чудо, – бормочет Мика.

Я поворачиваюсь и гляжу на коридор, за углом которого исчезла Селестра.

Вспоминаю, как она вытащила меня из горячей таверны, не заботясь о последствиях.

– Нам не нужно чудо, – говорю я Мике. – Нам нужна ведьма.

Глава 11

Селестра

– Жаль, что ты больше не сможешь к нему прикоснуться, – произносит Ирения, проводя расческой по моим волосам.

Я растерянно гляжу на ее отражение в зеркале.

– К кому? – недоумеваю я.

– К Ноксу, – отвечает девушка таким тоном, словно это очевидно. – Если закрыть глаза на синяки, мне начинает казаться, что он весьма симпатичный.

– Ты ударилась головой? – возмущенно спрашиваю я. – Откуда взялись такие мысли?

– Я все видела своими глазами. Хорошенько его разглядела.

Я бросаю на подругу недовольный взгляд.

– Знаешь, у него ведь тоже нет груди.

Хотя Ирению это никогда особо не заботило.

Она встречалась не только с женщинами и всегда говорила, что душа важнее тела. Честно говоря, я ей немного завидую. Ирения может выбрать того, кто придется ей по душе. Сможет прикасаться к нему и общаться.

Все то, о чем я могу лишь мечтать.

– Уверена, что у Нокса есть и другие замечательные качества, – воодушевленно продолжает Ирения.

– Как и ужасные.

Подруга смеется.

– Признайся же, Селестра! У него милое личико.

– Как жаль, что его дрянной язык все портит.

Может, Нокс и симпатичный, но его характер дурной.

Я еще никогда не встречала кого-то настолько уверенного в себе. Он насмехается над жизнью и смертью, словно ничто не может его сломить. Нокс продал собственную душу, потому что был уверен, что сможет выжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.